Андрей Егоров

Охота на Лиса

2024

Посвящаю роман моему любимому младшему брату Сергею Шахову.

Иллюстрации Андрея Егорова
и художника Эрики Вайс
(иллюстрации и обложка)
https://vk.com/erica_weis

Егоров, Андрей.
Охота на Лиса/ Андрей Егоров ; иллюстрации автора. — СПб. : [б.и.]. — 2024. — 340 с.

ISBN 978-5-600-04118-9

Роман о похождениях двух юношей как в средневековой Франции, так и во Франции будущего, будет интересен для всех любителей приключенческой фантастики. Схватки, погони, засады, интриги — ими изобилует эта увлекательная книга. Ну и конечно роман не обошелся без романтических отношений и любви!

© Андрей Егоров, текст, иллюстрации, 2024
© Эрика Вайс, иллюстрации, обложка, 2024

18+

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ПУТНИК

Стоял жаркий первый день лета. Солнце уже давно перевалило за полдень, и воздух был теплый и густой, как кисель. Редкие деревья отбрасывали короткие тени. Виноградники, тянущиеся вдоль дороги, имели весьма печальный вид. Весна 1474 года выдалась знойной и засушливой, и сейчас не верилось, что к осени эти чахлые плети растений заискрятся спелыми гроздьями винограда, а это значит, что будет и вино, вино с нового урожая, вино, которым так славится эта благословенная страна — Франция.

Вино и Франция, Франция и вино! Разве можно разделить эти два слова, разве можно представить одно без другого?! Вино — это кровь Франции. Даже правильнее будет сказать, вино — это словно кровь французов, ибо вино во Франции пьют все: лакеи и господа, нищие и короли, разбойники и королевская гвардия. Вино подается к завтраку, обеду, ужину, по поводу и без повода, оно плещется во фляжках солдат, перевозится в бочонках торговцев, льется в глотки страждущих в бесчисленных трактирах и тавернах. Во времена, когда удар меча был главным аргументом в споре, трактирщикам приходилось быть хорошими психологами, чтобы и клиента ублажить и самому не остаться в накладе. И если всякий сброд обходился дешевой кислятиной, а добропорядочным гражданам перепадали вполне достойные вина, то какой-нибудь горячий вояка или доблестный рыцарь, которые, правда, встречались все реже и реже, могли

запросто разнести по камешку весь трактир, если им не подадут лучшего вина с лучших виноградников страны. Иногда, правда, эти рыцари оказывались бедны и платили мало, но трактирщики, недолго погоревав, списывали убытки за счет первого же попавшегося гуляки, у которого за поясом весело позвякивал тугой кошелек.

— Вино — кровь Франции! Как мне не хватает сейчас стаканчика этой крови! — рассуждал путник, тащившийся по пыльной дороге вдоль виноградников.

— Да что там вино, стаканчик бы воды, или хотя бы даже глоток! До этого чертова леса, что виднеется вдали, еще топать и топать, а во рту сухо, как в раскаленной печке. В лесу должна быть вода, — успокаивал он себя. — А если я напьюсь вдоволь, то, пожалуй, доберусь до той деревни, о которой мне говорили, до наступления темноты. Надо было, конечно, оставить во фляге немного воды, чтобы хотя бы смочить горло, но так легко говорить тому, кто сыт, — рассуждал путник. — А когда со вчерашнего дня в брюхе ничего не было, кроме зверского голода, то и вода заменит хлеб хотя бы на полдня. И тем не менее, — пришел к неутешительному выводу путник, — вода вся выпита, и голод проснулся с новой силой. И если я сегодня не поужинаю, то завтра совсем протяну ноги. Сколько времени уже я скитаюсь от деревни к деревне, от города к городу, и нигде не смог найти себе какой-нибудь работы, которая хотя бы прокормила меня. Похоже, что я лишний человек на этой земле, и если я умру, то всей пользы от меня будет та, что не умрут с голоду дикие звери, поужинав мною. И что мне так не везет всю жизнь! — огорченно думал путник.

Надо пояснить, что под всей жизнью подразумевался сравнительно короткий отрезок времени, так как путник был юношей пятнадцати-шестнадцати лет отроду, на вид еще мальчишка, но с серьезным, умным

лицом и гибким, сильным телом. Одет он был в бедную крестьянскую одежду, но имел хорошую осанку, которой позавидовал бы любой молодой дворянин. Холстяные штаны, закрывающие до колен его крепкие ноги, были в последней стадии изношенности, а обуви вообще никакой не было, и юноша брел по дороге босиком, устало загребая носками теплую пыль. Ленивый сухой ветерок вяло трепал его мягкие русые волосы, обрамлявшие не

по-мужски красивое лицо юноши. Живые темные глаза, тонкий, с легкой горбинкой, нос и чуть насмешливый рот выдавали в нем француза. Вид юноша имел весьма потрепанный, но неунывающий.

Он брел по дороге, держа в руках крепкую сухую палку, на которую слегка опирался как на посох, то задумчиво глядя вдаль, то разговаривая сам с собой. За плечами у него болталась легкая котомка, на дне которой лежала лишь пустая кожаная фляга. Как и большинство молодых людей, он был человеком настроения, а поскольку он был жутко голоден, то и настроение у него было пасмурное.

Солнце тем временем все больше клонилось к западу, и наш юный путник наконец-то достиг опушки леса. Юноша прибавил шагу и через некоторое время, услышав в кустах шум ручья, свернул с дороги и побежал, ориентируясь на звук плещущейся воды. Ручей оказался в шагах сорока от дороги и журчал так звонко и заманчиво, что добежав до него юноша упал на колени и окунул голову целиком в прохладный поток. Мокрые волосы, мешая пить, лезли в рот, и юноша отфыркивался и мотал головой, глотая хрустальную влагу, возвращающую его к жизни.

Напившись всласть, он упал на спину и блаженно прикрыл веки. Молодое тело наливалось свежими силами, и юноша улыбнулся, чувствуя, как утихает голод и возвращается бодрость духа. Отдохнув совсем немного, он снова вышел на дорогу и поспешил в направлении деревни, которая по его подсчетам лежала где-то в двух часах ходьбы.

Лес, обступавший дорогу, почти скрывал ее кронами огромных деревьев, отчего казалось, что до наступления темноты уже недалеко, хотя был только ранний вечер. Иногда на полянах вдоль дороги путник замечал аккуратно уложенные стожки сена, что свидетельствовало

о близости жилья. Птицы постепенно умолкали, готовясь ко сну, и от этого лес становился все более зловещим. Юноша крепче сжал в руке палку и прибавил шагу, не забывая внимательно поглядывать по сторонам. Вот, кажется, шевельнулись кусты, а вот испуганная птица с шумом поднялась в воздух, и, недовольно крича, закружила над деревьями. Юноша сглотнул слюну и еще прибавил шагу. Он был наслышан о зверствах лесных разбойников, которые в те времена были настоящим бичом для одиноких путников, а иногда даже и для вооруженных обозов.

Но вот дорога снова пересекала большую светлую поляну, и юноша с некоторым облегчением перевел дух, как вдруг впереди раздался громкий хлопок, и пространство впереди как бы размылось и задвигалось, словно в кошмарном сне. Все это длилось какое-то мгновение, после чего все приобрело первоначальный вид. Все, кроме одного — в нескольких шагах впереди стоял человек.

На секунду юноша замер в оцепенении, а потом бросился бежать назад по дороге.

— Эй! Эй, постой! Не бойся! — крикнул человек и засмеялся. Его смех не был наигран и среди зловещего молчания леса звучал даже успокаивающе. Юноша, отбежав к краю поляны, остановился и испугано посмотрел на незнакомца. Тот, продолжая посмеиваться, сел на траву возле дороги и жестом подозвал к себе убежавшего паренька. Внимательно осмотревшись по сторонам и убедившись, что ему вроде ничего не грозит, юноша робко приблизился к незнакомцу. Это был смелый поступок, и юноша в душе гордился собой, отгоняя подспудную мысль о том, что если он здесь потеряет много времени, то ночевать ему придется в лесу, что совсем ему не улыбалось. Поэтому, подойдя к незнакомцу, он решил сразу выяснить его намерения и, если бог даст, продолжить путь. Его рука, сжимавшая палку, напряглась, и он был

готов к отражению неожиданного нападения. Но незнакомец не показал и виду, что собирается делать что-либо дурное, а наоборот, еще раз рассмеявшись, спросил паренька, здорово ли он его напугал.

— Да, сударь, вы здорово меня напугали — робко отвечал тот, внимательно разглядывая незнакомца, который оказался симпатичным молодым человеком, лет на десять старше самого юноши. Без сомнения, он был благородного происхождения, о чем говорило его лицо, честное и открытое, его манера держаться, но без спеси зажиточных горожан, его одежда, явно дорогая и подогнанная до мелочей. Его улыбка была по-дружески мягкой, а светлые, умные глаза смотрели на паренька с неподдельным интересом.

Юному путнику стало неловко под изучающим взглядом незнакомца, и он отважился заговорить первым:

— Вы здорово меня напугали, — повторил он. — И если не возражаете, сударь, я продолжу свой путь, ибо солнце уже скоро скроется за лесом, а мне еще надо успеть дойти до деревни, в которой я собираюсь заночевать.

— Ты из этой деревни? — спросил незнакомец.

— Нет, — ответил юноша и, немного помолчав, продолжал: — Я родился далеко отсюда и сейчас странствую. В этой деревне я надеюсь найти кров на эту ночь, а если повезет, то и кусок хлеба. А завтра я попробую найти себе хоть какую-нибудь работу или побреду дальше по дороге. Но сейчас у меня одна забота — добраться до этой деревни засветло, ведь ночевать в лесу довольно опасно. — И юноша выразительно показал глазами в темную чащу леса.

— Отлично! — воскликнул незнакомец. — Я тоже иду в эту деревню, и если ты проводишь меня до ближайшего трактира, то обещаю накормить тебя хорошим ужином.

— Благослови вас бог, сударь! — сразу повеселев, воскликнул юноша. — Давайте я понесу ваши вещи.

— У меня нет поклажи, кроме вот этого посоха, который я понесу сам, — отвечал незнакомец. — Так что мы дойдем до деревни намного раньше, чем ты думаешь.

И с этими словами он повернулся и зашагал по дороге. Юноша едва поспевал за ним, и настроение у него улучшалось с каждым шагом. Во-первых, его обещали покормить, во-вторых, вдвоем не так страшно идти через лес в уже сгустившихся сумерках, а в-третьих, у его случайного попутчика не было тяжелого багажа, который мог бы здорово задержать их в пути. Увлекшись своими мыслями, юноша не заметил, как незнакомец ушел далеко вперед, а заметив, кинулся его догонять.

«Что-то непохоже, что он проделал сегодня длинный путь, вон как шагает!» — недовольно подумал парнишка, едва поспевая за своим благодетелем.

Всю дорогу они молчали, и лишь когда из-за леса появились огоньки приближающегося селения, незнакомец, повернувшись к своему спутнику, весело подбодрил его:

— Надеюсь, что в местном кабачке будут рады двум усталым путникам и не пожалеют хорошего вина, чтобы снять их усталость.

Юноше эти слова пришлись по душе. И если раньше он робко надеялся на миску чечевичной похлебки с ломтем хлеба, то теперь его воображение, на время поселившееся в его желудке, рисовало ему картины обильного застолья, одну краше другой.

Глава II

ГРОЗОВАЯ НОЧЬ

Трактир, как и положено, стоял возле дороги, и из его открытых настежь окон доносился гомон пьяных голосов. Незнакомец быстрым взглядом окинул строение и, удовлетворенно хмыкнув, зашел внутрь. Юноша следовал за ним по пятам, инстинктивно чувствуя в незнакомце силу, которой хоть немного и побаивался, решил довериться, ибо голод и надвигающаяся гроза были бы более неприятными спутниками этой ночью.

В просторном холле первого этажа гуляли по какому-то поводу человек пятнадцать местных крестьян. В углу скромно ужинали два монаха, а у самого ближнего от входа стола слуга охранял сон своего господина. Четыре пустых кувшина из-под вина, валявшихся перед ним на столе, красноречиво говорили, почему этот господин с такой поспешностью решил поспать прямо за столом, да еще уткнувшись носом в миску с овощами. Слуга его, видимо, чтобы не отставать от своего господина, тоже был хорош и усиленно таращил глаза, чтобы не уснуть. А когда он зевал, то казалось, что вот-вот вывихнет челюсть.

Откуда-то вынырнувший невысокий толстячок назвался хозяином и жестом предложил новым гостям проследовать вглубь холла к свободному столу.

— Простите, милейший! — вдруг заговорил незнакомец. — Мы бы хотели остановиться здесь на ночь. У вас найдется свободная комната?

— Разумеется, есть, ваша милость! Лучшая комната ждет вас на втором этаже в конце коридора. Она, правда, немного дороговата, — и трактирщик изучающе покосился на незнакомца, внешность которого его, видимо, успокоила, потому что он приветливо продолжил, — но

я не сомневаюсь, что для вашей милости, это сущие пустяки!

— Прекрасно! — отозвался «его милость». — Тогда мы поднимемся прямо туда, а вы пришлите ужин на двоих и пару кувшинчиков хорошего вина.

На слове «хорошего» незнакомец намеренно сделал акцент, и трактирщик от обиды чуть не упал на колени.

— Господи, ваша милость! Помилуйте! Неужели я осмелился бы вам предложить плохое вино?! Вино будет лучшим из лучших, которое и король не побрезговал бы выпить! А насчет еды, так вся кухня к вашим услугам! Пусть ваш слуга сам выберет для вас лучшие блюда. Все для вашей милости!

Незнакомец хотел что-то возразить, но тут вмешался в разговор его юный спутник:

— Конечно, мой господин! Идите, отдыхайте, а мне позвольте заняться ужином. Не успеете и глазом моргнуть, как стол у вас будет уже накрыт!

Незнакомец с любопытством слушал своего спутника и, когда тот закончил, согласно кивнул головой и стал подниматься по лестнице, ведущей на второй этаж.

Хозяин, проводив парня на кухню, сам полез в погреб и, недолго поколдовав там, вынырнул оттуда с небольшим запыленным бочонком в руках. С благоговейной осторожностью он откупорил его и наполнил два небольших кувшина золотистого цвета напитком. Бережно взяв в руки по кувшину, он понес их в комнату знатного постояльца. В том, что он знатен, трактирщик не сомневался, уж он-то повидал вельмож на своем веку. Правда, его несколько смущало отсутствие меча и потрепанность слуги, но, судя по уверенной манере держаться, деньги у гостя явно водились, что, в общем-то, было главным (в том трактирщик не сомневался никогда в своей жизни).

Вернувшись на кухню, он был неприятно удивлен расторопностью слуги нового постояльца, который, уже наполнив большой поднос разной снедью, теперь снимал с вертела только что зажаренного гуся. Шустрый паренек уже собрался присоединить ароматно пахнущую птицу к остальной добыче, когда хозяин встал грудью на ее защиту.

— Неужели вы это все съедите? — попытался протестовать хозяин трактира.

— У Его Милости отменный аппетит! — невозмутимо отвечал юноша, пытаясь с нагруженным подносом протиснуться в дверь кухни мимо загородившего выход толстячка.

— А у твоего хозяина хватит денег расплатиться за все это, да еще за комнату? — сделал последнюю попытку спасти гуся трактирщик.

Втайне он надеялся продать его другим посетителям, предварительно отделив хороший кус себе на ужин (хозяин и сам был не прочь плотно и вкусно поесть, что было заметно по его упитанным формам).

— У моего хозяина хватит денег, чтобы купить весь этот трактир! — безапелляционно заявил юноша, в глубине души надеясь, что это соответствует действительности (а если утром и побьют палками — так не впервой!), и, подхватив перегруженный поднос, заваленный всяческими закусками, от которых исходил пьянящий аромат, заспешил наверх, к своему нежданному благодетелю.

Когда все кушанья были расставлены на добротно сколоченном дубовом столе, что занимал добрую половину небольшой комнаты, незнакомец разлил вино по узорчатым глиняным кружкам грубой, явно местной работы, и заговорил:

— Ну что ж, пришла пора нам познакомиться. Меня зовут Лис. Может, это имя тебе покажется странным, но поверь, оно настоящее. Ну, а как тебя зовут, мой мальчик?

При этих словах паренек вспыхнул и гордо вскинул голову:

— Зовут меня Франсуа, сударь, и я уже достаточно взрослый, чтобы отвечать за свои поступки! — и, встретив смеющийся взгляд своего нового знакомого, уже менее уверенно добавил: — Я хотел сказать, что отвечать за меня все равно некому, кроме себя самого, и прошу простить меня, если мои слова прозвучали дерзко!

Лис, растроганный этой юношеской откровенностью, не спеша выпил вина из кружки и дружески подмигнул пареньку.

— Пустяки, Франсуа, забудь об этом! Единственное, на что я сейчас сержусь, так это на то, что такой аппетитный гусь еще не барахтается своими сочными лапками у меня в животе!

С этими словами он оторвал у птицы ногу и жадно впился в нее зубами. Хрустящая корочка поджаренной кожи лопнула, обнажив нежное, сочное мясо пернатого друга, который еще утром и не помышлял о такой чести, как быть съеденным к вечеру двумя усталыми путниками.

Франсуа, не смея притронуться к еде без разрешения, наблюдал за тем, как Лис уминал гуся, и у него подкашивались коленки от голода. Лис, заметив его робость, спросил, почему тот не ест.

Франсуа потупил взгляд и не знал, что ответить. Незнакомец ему понравился, и юноша втайне надеялся, что не будет завтра выгнан, а, может, даже принят слугой к этому странноватому господину. Но если Франсуа надеялся получить службу у Лиса, то ему не положено было сидеть за одним столом со своим господином, а уж тем более делить с ним трапезу. Все эти мысли вихрем пронеслись в голове юноши, и он робко отвечал:

— Ваша милость, господин Лис, я слишком низкого происхождения, чтобы сидеть за одним столом с благо-

родным сеньором! Вы ужинайте, а я доем остатки. А пока вы утоляете свой голод, я мог бы почистить вашу куртку, а то она слегка запылилась.

Слушая этого паренька, Лис внутренне поражался, с какой учтивостью звучала его речь, будто он родился не в деревне, а в рыцарском замке. Он посмотрел свое- му спутнику в глаза и встретил чистый, открытый взгляд, полный внутреннего достоинства и какой-то затаенной надежды. Лис налил себе еще вина и, посмаковав его на языке, снова обратил свой взор на юношу.

«Нет, этот паренек мне определенно начинает нравиться. И потом, мне ведь наверняка понадобится помощник — путь-то предстоит неблизкий… Зачем искать кого-то, когда вот он перед тобой!» — думал Лис. — «Правда, он еще совсем юн и доверчив, но, безусловно, смел и ловок. И потом, приятней иметь в спутниках этого смышленого юнца, чем деревенского мужлана-тугодума или городского прощелыгу».

Франсуа, видя, что незнакомец задумался, глядя на него, интуитивно понял, что сейчас решается его ближайшая судьба. Он замер, боясь даже моргнуть глазом, и лишь тонкие пальцы нервно теребили полу изношенной куртки, будто нащупывая завалившуюся за подкладку монетку.

Но вот незнакомец нарушил затянувшееся молчание:
— Послушай, Франсуа! — начал Лис и, отхлебнув из кружки, продолжал: — Ты вроде смышленый парень и достаточно ловкий к тому же. Поэтому я хотел предложить тебе сопровождать меня в моем путешествии, — и заметив, как засветились радостью глаза юноши, добавил: — Только оговорюсь сразу. Я нанимаю тебя только на месяц. Через месяц ты не сможешь меня сопровождать дальше, хотел бы ты этого или нет. Итак, ты согласен?

— Отныне — я ваш слуга, господин Лис! И можете распоряжаться мною, как вам заблагорассудится! — еле сдерживая радость, воскликнул парнишка.

Его глаза светились таким счастьем, что Лис, невольно улыбнувшись, спросил:

— И ты даже не поинтересуешься, сколько я тебе буду платить и как с тобой обращаться?

— Я уверен, мой господин, что любая плата для меня будет щедрой, потому что завтра я умер бы с голоду, если бы не вы. А если я буду наказан, то, видимо, заслужу это, ибо я не верю, чтобы мой благородный господин злоупотребил бы своей властью над человеком, будь тот даже его слуга.

С этими словами Франсуа смиренно склонил голову, как бы ожидая первых приказаний от своего нового хозяина.

Тронутый учтивой речью своего новоиспеченного слуги, Лис потрепал его по голове.

— Вот и договорились! А теперь запоминай! Если я что-то прикажу — кровь из носа, а это нужно сделать! С посторонними обо мне ни слова! Если увидишь что-либо удивительное, не пугайся, я тебе потом все поясню. Будешь ночью храпеть — выкину в коридор! Пока все! А теперь тебе первое задание: на этом столе, помимо гуся, еще много всего прочего, если я успею съесть больше половины всего этого, то ты в наказание будешь всю ночь бегать и ловить молнии, что сверкают за окном. Понял? Приступай!

Франсуа не заставил себя просить дважды и с рвением принялся за дело. За считанные минуты миски изрядно опустели, а вино в кувшине заметно поубавилось. Переведя дыхание, юноша вопросительно взглянул на своего господина. Тот, не спеша потягивая вино, одобрительно кивнул. Франсуа, окрыленный первыми успехами, вновь ринулся в бой. Методично переходя от блюда к блюду, он уничтожил четвертинку козьего сыра, приличный кусок гуся, изрядно вареных овощей и кусок пирога с капустой.

Все это обильно смачивалось вином, и к концу трапезы юноша вдруг обнаружил, что ноги стали словно ватными, а голова приятно кружилась и плохо соображала.

«Да-а! Парнишка пить еще не умеет!» — подумал Лис, помогая юноше лечь на один из топчанов, служащих здесь кроватями.

Тот вяло сопротивлялся, но вскоре стих и заснул с блаженной улыбкой на лице. Лис накинул на него лоскутное одеяло и подошел к окну. За окном гремела гроза, бушевал ветер, и дождь хлестал по черепичной крыше с такой силой, что, казалось, по ней бьют тысячи барабанных палочек. Немного постояв у окна, Лис подошел к двери и закрыл ее на задвижку, после чего быстро разделся и лег, с наслаждением растянувшись на тюфяке, набитом свежей ароматной соломой. Все пока складывалось удачно, и Лис довольно мурлыкал себе под нос. Вскоре он почувствовал, как тяжелеют веки и тело погружается в теплый сытый сон.

«А хозяин не обманул, вино было действительно чудесным!» — промелькнула у него последняя мысль, и на его лице расплылась умиротворенная улыбка.

Дождь продолжал стучать по стенам и крыше трактира, но обоих путников это нисколько не тревожило. Оба они наверняка видели хорошие сны этой ночью, и что их точно огорчило, так это пронзительный крик петуха на рассвете, который возвестил о приходе нового дня.

Глава III

ИСТОРИЯ ОДНОГО СИРОТЫ

Петух орал так пронзительно, словно ему оставалось жить всего пять минут. Оба путника, проснувшись от его воплей, одновременно представили себе этого неугомонного певца в числе первых блюд за завтраком. Различие состояло лишь в том, что Лис представлял себе эту надоедливую птицу заживо сваренной в чугунке, тогда как Франсуа успел ее мысленно колесовать, четвертовать и изжарить на медленном огне, предварительно залив горло деревенскому менестрелю расплавленным свинцом.

Франсуа медленно привстал с лежанки и оглянулся. Еще не очнувшись от сна, он помотал головой, прежде чем убедился, что ему это все не пригрезилось, и его хозяин также реален, как и он сам. Мгновенно в его памяти всплыли все подробности вчерашнего вечера, и он вдруг с ужасом понял, что проспал. Проспал, уже находясь на службе. Он не успел почистить платье своего господина, принести ему свежей воды, чтобы умыться, и еще множество мелочей, которые расторопный слуга должен сделать сам, не дожидаясь ненужных напоминаний. Соскочив с кровати, он схватил одежду своего нового хозяина и пулей вылетел из комнаты. Не прошло и нескольких минут, как Франсуа влетел обратно и, аккуратно повесив почищенную одежду на высокую спинку плетеного стула, схватил сапоги и снова выскочил в коридор.

Лис, не успевший вымолвить и слова, встал с кровати и подошел к окну. Гроза давно прошла, и утреннее солнце играло в огромной луже, покрывавшей добрую половину скотного двора, примыкающего к трактиру. Двор, несмотря на раннее утро, был оживлен: мальчишки-

подпаски выгоняли коров на пастбище, и те, недовольно мыча, проталкивались к открытым воротам сквозь глубокую лужу; гуси, рассерженно крича, суетились во дворе, ожидая, когда их законное место освободят неторопливые коровы; за плетеным вольером упитанная женщина разбрасывала корм многочисленным курам, среди которых наверняка затесался и тот недорезанный петух, страдающий бессонницей, который не дал уставшим гостям вкусить сполна дары Морфея. Окинув ленивым взглядом эту деревенскую идиллию, Лис блаженно потянулся и стал одеваться. Поначалу он придирчиво осмотрел одежду, но, не найдя на ней и намека на пыль или грязь, удовлетво- ренно хмыкнул. В комнату вошел его новоявленный слу- га, неся в руке вычищенные сапоги. С учтивым поклоном, отдав их своему хозяину, он отчитался:

— Насчет завтрака я распорядился. Трактирщик сказал, что накроет внизу, чтобы не беспокоить вашу милость. Рассчитать нас я попросил сразу, потому что мы можем незамедлительно тронуться в путь. Я правильно все сделал, мой господин?

— Да ты молодец! Вижу, что я не ошибся в тебе. А поскольку вещей у нас нет и укладывать нам нечего, то поспешим вниз завтракать. Да, кстати! Ты хорошо знаешь эти места? Меня интересует один монастырь недалеко отсюда.

— Нет, мой господин, я совсем не знаю окрестностей. Ведь я родился далеко отсюда, в Перигоре*, — и Франсуа состроил виноватую рожицу.

— Ну, ничего! Спросим кого-нибудь, — и Лис хлопнул парнишку по плечу. — Пошли, посмотрим, что там нам приготовил на дорожку наш добрый хозяин!

* Перигор — историческая провинция на юго-западе Франции (прим. автора).

Завтрак был обильным и вкусно пах, но после вчерашних разносолов есть особо не хотелось. Вяло поковырявшись в тарелках, юноши стали собираться в путь. Пока Франсуа укладывал в котомку еду, оставшуюся от завтрака, Лис стал расспрашивать хозяина об интересующем его монастыре.

— О, ваша милость! Это довольно далеко, и пешком вам идти придется долго.

— А у тебя есть лошади? — спросил Лис, доставая из-за пояса увесистый кошелек.

— К сожалению, нет! — огорчился хозяин, поглядывая на кошелек незнакомца. — Мы здесь лошадей на продажу не держим, но их можно купить в городе, недалеко отсюда. Правда, он вам совсем не по дороге, но, достав там лошадей, вы за полдня наверстаете упущенное.

— А как добраться до города? — спросил Лис.

— Если ваша милость пойдет на восток по этой дороге, то в двух лье* будет развилка. В город ведет правая дорога. Если вы не будете останавливаться, то уже к обеду будете в городе, но нынче днем такая жара, что вам, наверно, все-таки придется сделать привал.

— Ну и отлично, я особо не спешу, — и с этими словами Лис стал развязывать кошелек. Вытащив оттуда небольшой кубик золота, он протянул его хозяину. — Монеты у меня кончились, но я надеюсь, что этот кусочек золота покроет все расходы.

Трактирщик недоверчиво взял в руки желтый кубик, который был крупнее большой горошины, и попробовал его на зуб. Еще раз внимательно осмотрев кусочек благородного металла, трактирщик расплылся в подобострастной улыбке:

— Ваша Милость, ваша щедрость не знает границ! Сейчас же я распоряжусь, чтобы вам дали лучшей еды

* Лье — старинная французская мера длинны = 4,444 км (прим. автора).

в дорогу, а уж о лучшем вине я позабочусь сам. — И, не переставая кланяться, он удалился.

Вернулся Франсуа, и Лис послал его на кухню за провизией, пообещав подождать его у дороги. Франсуа убежал, а Лис вышел к дороге и стоял там, с наслаждением вдыхая свежий утренний воздух. Дорога на восток вилась вдоль полей широкой лентой и скрывалась в жиденьком лесочке неподалеку. Небо было чистого лазурного цвета с редкими прозрачными облачками, сквозь которые легко просачивались золотистые солнечные лучи.

Прибежал Франсуа с мешком, набитым едой, за плечами, и юноши, весело переговариваясь, отправились в путь.

— Прекрасный день, правда, Франсуа? — спросил Лис, с удовольствием щурясь на солнце.

— Прекрасный не то слово, мой господин! Это наисчастливейший день в моей жизни за последние годы, — воскликнул Франсуа. — Еще вчера утром я проклинал свою судьбу, а сегодня я ее благодарю и прославляю небо, ибо оно послало мне вас, мой господин! — И как бы подтверждая свои слова, он отсалютовал своим посохом, словно мечом.

— Франсуа, я же тебе говорил, наедине зови меня просто — Лис! Я не привык, чтобы меня все время величали господином. Я эдак могу зазнаться, что повредит моему духовному состоянию. И потом, я старше тебя от силы лет на десять и гожусь тебе в братья, так что давай без лишнего этикета.

— Хорошо… Лис, — робко ответил Франсуа.

— Ну и отлично, — облегченно вздохнул Лис. — А то я себя возомнил как минимум королем Франции, — и оба юноши весело рассмеялись.

Через некоторое время Франсуа несколько освоился и разговаривал с Лисом намного смелее, чем это мог

позволить себе слуга. Но Лис так непринужденно болтал, что Франсуа совсем перестал бояться и разговаривал с Лисом почти на равных. Со стороны могло показаться, что по дороге идут, болтая, два старых приятеля, и если бы не разительное различие в одежде, трудно было бы угадать, кто из них хозяин другого.

— Послушай, Лис, — набравшись смелости, Франсуа решил спросить своего господина о том, что его мучило с первой минуты их знакомства. — А как ты меня тогда напугал? Ведь я тебя совсем не видел на том месте. И этот хлопок… Ты не колдун случайно? — и испугавшись того, что сам сказал, внезапно замолк и со страхом взглянул на Лиса.

Лис, увидав, какого страха нагнал сам на себя его спутник, разразился таким хохотом, что Франсуа тоже невольно заулыбался.

— Нет, мой милый, я не колдун, — и Лис, перестав смеяться, изучающе посмотрел на юношу. — А ты никому не рассказывал о том, как я тебя напугал?

— Ни одной живой душе, мой господин. Вы же приказали молчать, и я был нем как рыба, — ответил Франсуа, обиженный тем, что его сочли за болтуна.

— Ну, полно дуться. — И Лис встряхнул юношу за плечо. — Я же с тобой знаком недавно и еще не знаю тебя. Но теперь я вижу, что ты отличный слуга, расторопный и не болтливый. А вчера дело было так…

Лис ненадолго замолчал, будто собираясь с мыслями.

— Я шел по той же дороге, что и ты, но, устав под вечер, прилег на обочине отдохнуть. Проснулся я как раз в тот момент, когда ты появился на дороге. Я сразу решил тебя напугать лишь ради собственной забавы. Когда ты узнаешь меня получше, ты убедишься, что это правда. Я иногда вытворяю такое, что сам потом удивляюсь. Так вот, у меня в карманах завалялась коробочка с остатками

пороха. Я положил ее на землю возле себя и, подождав пока ты подойдешь, поджег ее, а сам в этот момент выскочил из-за куста, который меня скрывал. Ну а тебе, конечно, привиделось, что я упал с неба?! Мой расчет удался — я тебя напугал и был очень доволен своей шуткой. Надеюсь, я не сильно рассердил тебя? Прости, если что!

Франсуа, внимательно слушавший Лиса, протестующе замахал руками:

— Нет! Нет! Как можно?! Вы, мой господин, будете просить прощения у меня?? Вашего слуги? Не смейтесь надо мной, пожалуйста.

— А я и не смеюсь, — посерьезнел Лис, — ведь ты такой же человек, как и я. И имеешь полное право обидеться на меня.

— Нет, нет, — поспешил заверить юноша, — я совсем не сержусь. Просто это было так внезапно и необычно. Но я действительно совсем не сержусь на вас. И после того, что вы мне рассказали, я сердит лишь на себя за свою трусливость и невнимательность.

— Ну, это ты преувеличиваешь! — прервал его Лис. — Что-то мне подсказывает, что в тебе смелости не по годам, а внимание твое вчера притупилось из-за того, что мысли у тебя были заняты ночлегом и едой. Верно?

— Верно. — И Франсуа с благодарностью посмотрел на Лиса.

«Да, мне крупно повезло с хозяином, — подумал он про себя, — правда, он хочет, чтобы я лишь месяц служил у него, но я сделаю все возможное и невозможное, чтобы остаться с ним подольше».

— Однако, — нарушил молчание Лис, — я хотел бы услышать твою историю. Как ты попал в эти края? Расскажи все по порядку, если это не тайна, конечно. И еще раз прошу называть меня просто Лисом. Ну давай, рассказывай!

Франсуа согласно кивнул головой и некоторое время собирался с мыслями. Жизнь его была не без приключений, но одни были неинтересны, другие малозначительны. Поэтому рассказ Франсуа был довольно короток. Но что есть, то есть, и Франсуа, вздохнув, начал рассказывать.

— Я родился в небольшой деревушке, в самом сердце Перигора пятнадцать лет назад. Матушка моя была ткачихой, а отца своего я не знал. Рос я так же, как и все деревенские дети: играл в незатейливые игры, да бегал в близлежащий город посмотреть кукольные сценки, с которыми выступали там заезжие артисты. Поначалу деньги у нас в доме водились, как мне говорила мама, они остались от отца. Но когда мне исполнилось десять, мы совсем обеднели. Мама работала от зари до зари, и хотя нам удавалось почти все продать, что она наткала, денег было в обрез. Я чем мог помогал маме, а когда был свободен, бегал в гости к местному священнику, дедушке Гюставу. Он был добр ко мне и научил меня читать и писать. Первая книга, которую я сам прочел, была о доблестных и благородных рыцарях, которым я хотел подражать во всем. Я бредил этим, и дедушка обучил меня кое-каким рыцарским наукам: петь и сочинять стихи, владеть мечом и всякое другое. Дедушка Гюстав когда-то был хорошим воином, но потом ушел в монастырь и стал монахом. Он говорил, что слишком много пролил чужой крови, и зачастую невинной, и теперь настало время отмаливать грехи. А поскольку он был когда-то дворянином и настоящим рыцарем, то хорошо знал все премудрости, каким должен научиться тот, кто хочет стать рыцарем. А это не только владение оружием, а и умение слагать стихи, плавать, и многое другое*. Кстати, плаваю я лучше

* Рыцарское воспитание включало в себя обязательные «Семь рыцарских добродетелей»: верховая езда, фехтование, владение копьем, плаванье, соколиная охота, сложение стихов в честь дамы сердца, игра в шахматы» (прим. автора).

всех в нашем селении, — с гордостью произнес Франсуа и продолжал: — Но когда я стал постарше, я понял, что стать рыцарем — несбыточная мечта для простолюдина. Если у меня нет имени и родового замка, я обречен на жизнь, быть может, и полную приключений, но без рыцарских подвигов. Занятиям с дедушкой Гюставом я уделял все меньше времени, да и надо было помогать моей бедной матушке. Здоровье у нее ухудшалось с каждым годом. Она делала все, чтобы я рос здоровым и сильным: отдавала лучший кусок за столом, давала денег на сладости, ночами шила для меня одежду в ущерб срочным заказам. Все это подорвало ее здоровье, и она чахла день ото дня.

И вот настал тот день, когда она не смогла взяться за работу. Заказы прекратились, и денег не стало совсем. В деревне работать было негде, а в город я не мог идти, так как надо было ухаживать за больной матушкой. Мы продали все, что имели, и держались какое-то время. Добрые соседи помогали нам, кто чем мог, но вскоре болезнь и плохое питание доделали свое дело. Однажды, проснувшись утром, я обнаружил, что матушка моя скончалась.

Франсуа замолчал и нервным движением достал флягу. Сделав несколько судорожных глотков и смахнув кулаком набежавшую слезу, он продолжил свой рассказ.

— После похорон дедушка Гюстав дал мне котомку, полную еды, несколько монет и отправил меня в путь, сказав такие слова: «Франсуа, я опечален твоим горем, но такова воля Господня. Так иди в мир и найди в нем достойное место. Я дал тебе знания и воспитал тебя добрым и честным юношей. Я верю в твою звезду и в то, что найдешь свое счастье в жизни. Что-то подсказывает мне, что тебя ждет необычная и светлая судьба. Так ступай и найди ее. Ты молод и умен, ловок и смел, и я верю,

ты преодолеешь все препятствия на своем пути. Иди, а я буду молиться за тебя». Мы распрощались, и я побрел, куда глаза глядят. Я скитался от города к городу, от деревни к деревне. Кое-где удавалось подработать и пополнить котомку продовольствием. Однажды мне повезло, и добрый хозяин взял меня в работники на все лето. Но его дочка с меня все время глаз не сводила, и однажды, когда я купался в реке, она схватила мою одежду и побежала в сторону леса. На самой опушке я догнал ее и постарался отобрать свои вещи, как она вдруг схватила меня за плечи и стала обнимать и целовать. Я ничего сообразить не успел, а она уже лежала рядом со мной голая и возбужденная. Ее объятия были все крепче, а поцелуи все жарче, и я не выдержал и поддался ей. Я тогда ни о чем не мог думать — я впервые познал женщину и был расслаблен и опустошен. Прошел, наверное, целый час, пока я окончательно пришел в себя. Она махнула мне рукой и как ни в чем не бывало побежала домой, а я вернулся в поле и пытался закончить начатую утром работу. Все валилось из рук, а мысли витали где-то очень далеко, так что работу, заданную на день, я так и не закончил. А когда я вернулся к хозяину, он избил меня до полусмерти палкой и выгнал на улицу. Кто-то сказал ему, что я голым гонялся за его дочкой. Избитый и униженный, я еле доплелся до конца селения, где меня подобрал местный мельник. Он отвез меня к себе домой, на водяную мельницу, где они жили вдвоем с его женой. Детей у них не было, и они выходили и вынянчили меня, словно своего сына. Но мне было бы стыдно показываться в этом селении, и я попросил их отпустить меня. Они очень огорчились, но не стали настаивать и даже дали в дорогу еды и немного денег. Я поблагодарил их и отправился в путь, направляясь вглубь страны. Много разного народа я повстречал на

своем пути, много увидел нового и интересного, но удача, видимо, отвернулась от меня. Я никак не мог найти себе заработка, а запасы мои таяли прямо на глазах. В молодости трудно быть экономным, ибо всегда надеешься, что завтрашний день принесет удачу, но дни шли за днями, и мои надежды на лучшее становились все призрачнее. Однажды мне пришлось столкнуться с разбойниками, вернее, с кучкой злобных бродяг, которые обобрали меня до нитки и здорово намяли мне бока. С тех пор я таскал с собой крепкую палку, которой, если орудовать как мечом, можно было отбиться от двух-трех человек. Но что толку?! Теперь у меня был мой деревянный меч, но не было ни еды, ни денег. Я шатался по дорогам в поисках работы, но увы! Хорошо еще, что некоторые мои случайные попутчики по доброте душевной делились со мной едой, не давая умереть с голоду. Но вот настал уже третий день, как я вообще ничего не ел. Я плелся среди виноградников и надеялся только на чудо. Я молил бога, чтобы он поспешил найти мою счастливую судьбу, пока ее хозяин не протянул ноги от голода. И Господь услышал мои молитвы. Войдя в лес, я повстречался с вами. Наверное, я не убежал тогда только потому, что вверил свою судьбу в руки Господа и надеялся, что он будет ко мне милосерден. Но я до сих пор не могу поверить, что мне так повезло. Вы мне посланы Богом, и я благодарю его за это. А что было дальше, вы и сами знаете. Вот и вся моя история, — закончил Франсуа, взглянув на своего спутника.

Видя, что Лис опечален его грустной историей, он воскликнул:

—Я виноват, что так расстроил вас, и требую от вас немедленного наказания своего слуги!

С этими словами он забежал вперед и, развернувшись лицом к своему господину, протянул ему свою палку.

Увидев, какую виноватую рожицу состроил Франсуа, Лис невольно расхохотался и, взяв палку, шутя ударил ею по спине своего слугу. Тот, в свою очередь, упал как подкошенный, словно от удара настоящего меча. Лежа на земле, Франсуа смешно задрыгал руками и ногами, изображая агонию раненого воина. Это получалось у него так комично, что Лис не выдержал и, выронив из рук свой посох, схватился за живот, разражаясь захлебывающимся смехом. А Франсуа тем временем выделывал все новые и новые коленца. Он то приподнимался на локте и «с укором» смотрел на своего «истязателя», то вдруг начинал читать завещание такого умопомрачительного содержания, что его спутник, давясь смехом, упал без сил на дорогу, скорее напоминая жертву, бьющуюся в конвульсиях, чем тот, кто на самом деле был «жертвой».

Видя, что дело принимает серьезный оборот и у него из-под носа уводят главную роль в спектакле, Франсуа мгновенно вскочил на ноги и с неподдельным огорчением вскричал:

— Ваша милость, как можно! На что станет похож ваш костюм?! Его ведь теперь и за час не очистишь.

Еще продолжая смеяться, Лис поднялся на ноги и, стряхнув пыль с куртки и штанов, повернулся к слуге.

— Ты, Франсуа, поистине великий человек! Сначала ты своим рассказом растрогал меня до слез, а потом своей глупой выходкой рассмешил чуть не до смерти. Ты заставил меня переживать, а если ты можешь заставить переживать других людей — это главное в жизни. Ты это потом сам поймешь. Сейчас я ничего не могу сделать для тебя, но, может быть, мои слова тебя подбодрят. Вот что я хочу сказать тебе. Я действительно очень рад, что встретил именно тебя там на дороге и что именно ты сейчас сопровождаешь меня в моем походе. Лучшего спутника

я и пожелать бы не хотел, — и он ласково потрепал волосы Франсуа.

Чтобы Лис не заметил, как он тронут его словами, Франсуа поднял валявшуюся палку и молча пошел вперед по дороге, делая вид, что отряхивает свою одежду. Лис догнал его и весело воскликнул:

— Ага, вот и развилка! Давай-ка устроим здесь привал и посмотрим, что там вкусненького нам дал в дорогу добрый трактирщик.

Глава IV

В ГОСТЯХ У ТЕВТОНСКОГО РЫЦАРЯ

Как и предрекал трактирщик, путники вошли в город ближе к вечеру, совершенно усталые и разбитые от жары. Городская суета постепенно затихала. Многие лавки уже закрывались. Уличные ремесленники собирали свои инструменты. Нищий возле портала церкви, видимо уже охрипнув, не вымогал больше подачки у прихожан, а сосредоточенно перебирал жалкие медяки, полученные за день, прикидывая, хватит ли напиться. Хозяйки собирали с веревок высушенное белье, а их мужья орали на них, требуя скорее ужина. Городская стража делала свой последний обход улиц, прежде чем закрыть городские ворота. В домах зажигались огни и запирались двери.

Путники шли по широкой улице и высматривали трактир. Пропустить такое заведение было бы невозможно, так как под вечер туда стекался окрестный люд, дабы промочить горло и обменяться сплетнями. Две-три такие забегаловки юноши прошли мимо, отпугнутые их затрапезным видом, но когда их взору предстала вполне приличная гостиница, они остановились. Находившаяся на перепутье двух зажиточных кварталов, она поражала прохожих своей добротностью и внушительными размерами. В ней было три этажа, сложенных из серого тесаного камня, огромное ухоженное подворье и солидная чеканная вывеска, которая гласила: «Тевтонский рыцарь». Из полуприкрытых окон первого этажа доносились звуки лютни, а из бокового флигелька ароматы здешней кухни.

Лис, не задумываясь, свернул к гостинице и, взойдя на крыльцо, столкнулся с ее хозяином, любезно выпроваживающим подвыпившего гостя. Завидев новых посетителей, хозяин расплылся в широкой угодливой улыб-

ке. Видом этот добродушный, аккуратно одетый толстяк смахивал на бюргера, а когда он заговорил, его жуткий немецкий акцент подтвердил это наблюдение. Внимательнее рассмотрев подошедших, бюргер разочарованно скис, расстроенный простеньким одеянием Франсуа.

— Что желают господа?! — произнес он таким тоном, будто отгонял надоедливых мух.

— Мы хотим здесь переночевать эту ночь, а может и следующую, если нас задержат дела, — выступил вперед Лис.

— Ошень корошо, ошень корошо, — закивал немец. — Но ваш слуга не может заходить в таком вид в моя гостиница. Он ошень грязный, а мои гости ошень достойные граждане. Он может спать в конюшня, на сено.

— Он будет спать в моей комнате, как и я, — возразил Лис, — а ваши издержки я постараюсь компенсировать.

— Нет, нет. Это совсем нефозможно, што скажут мои постоянный посетители?! И потом, это дорогое заведение. Комната и ужин стоят пять су*. Пять! И немец гордо растопырил свою волосатую пятерню перед носом Лиса.

— Франсуа, пойди-ка прогуляйся! — отослал спутника Лис и, оставшись наедине с хозяином гостиницы, о чем-то горячо с ним заспорил.

Франсуа отошел подальше от крыльца и, сев на широкий деревянный чурбан, устало вытянул ноги. Не успел он расслабиться, как Лис позвал его. Подойдя, он с удивлением заметил волшебную метаморфозу, произошедшую с хозяином гостиницы. Тот приветливо улыбался и, сделав гостеприимный жест, распахнул перед уставшими путниками двери заведения. Войдя вовнутрь, юноши очутились в просторном зале, выдержанном в традици-

* Су — крупная серебряная монета равна 12 денье. Денье — мелкая серебряная монета, имеющая хождение во Франции с VIII века. Мельче нее была только монета обол (1/2 денье) (прим. автора).

ях рыцарского замка. Ярко пылавшие факелы освещали добрую половину помещения, вторую половину которого мерцающим, тусклым светом освещал огромный, в человеческий рост, камин. Огромные смоляные поленья весело потрескивали, не давая, впрочем, большого жара. Хотя вечер и был теплым, под этими каменными, закопченными сводами чувствовалась приятная прохлада, которой не был помехой даже пылающий камин. Видно каменщики, строившие эту гостиницу, знали свое дело хорошо. Вдоль стен протянулись огромные по своей длине дубовые стволы, за которыми на скамьях сидели посетители. В дальнем углу девушка в национальной готской одежде тихо играла на лютне, время от времени что-то напевая. Между столами бесшумно сновали подавальщицы, одетые абсолютно одинаково и даже чем-то похожие лицами.

«Наверно, родственницы хозяина», — подумалось Лису, когда он вслед за немцем поднимался по боковой лестнице на второй этаж.

Хозяин привел их в чистую, ухоженную комнату и, вручив Лису ключ от двери, с поклоном удалился. Не успели юноши раздеться, чтобы стряхнуть с себя пыль, как в дверь постучали. На пороге стояла девушка, державшая в руках большой кувшин со свежей водой. Она подошла к каменной раковине, вделанной в одну из стен, и жестом пригласила юношей умыться. Скинув куртку и рубашку, Лис с наслаждением сунул голову и плечи под струящуюся из кувшина прохладную воду. Девушка с непроницаемо вежливым лицом дожидалась, когда он отфыркается, чтобы поливать дальше. Когда Лис умылся, она поставила кувшин и, подойдя к небольшому комоду, достала оттуда чистое полотенце, которое подала Лису. Повторив в точности всю процедуру умывания с Франсуа, девушка молча сделала неглубокий реверанс и, под-

хватив кувшин, вышла из комнаты, притворив за собой тяжелую дверь.

Франсуа, раздетый по пояс, сел на одну из широких кроватей и, вытирая свои волосы пушистым полотенцем, блаженно протянул:

— Просто сказка какая-то!

Вытерев насухо волосы, он влажным полотенцем растер себе докрасна плечи и торс и, видя, что Лис не обращает на него внимания, этим же полотенцем отер себе ноги от дорожной пыли. Завершив этот туалет, Франсуа повесил полотенце на край кровати и откинулся на подушки.

Лис, тоже закончив растираться, обернулся к слуге.

— Устал, бродяга? — Он подошел и потрепал Франсуа за его мягкие влажные волосы.

— Есть хочешь? — и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Ладно, отдыхай уж, а я спущусь вниз, предупрежу хозяина об ужине, — и, заметив вялую попытку Франсуа оторваться от мягких подушек, остановил его: — Сиди уж! Тебе в таком виде лучше не высовываться сегодня, а завтра что-нибудь придумаем, — с этими словами он вышел из комнаты.

Франсуа вытянулся на постели во весь рост и, прикрыв глаза, мурлыкал что-то себе под нос, точь-в-точь как маленький котенок, которого подобрали на улице и накормили свежей сметаной.

«Господи! — думал Франсуа, — как все же жизнь бывает прекрасна! Господи, благодарю тебя за это! Благодарю тебя за тот счастливый жребий, что ты нашел для меня! Как я счастлив. Господи! И об одном тебя молю, Господи, пусть все это окажется не сказкой, но явью. Пусть мой благородный господин Лис окажется таким же добрым, каким он мне представляется сейчас. И пусть тогда я буду с ним всю мою жизнь, которую готов отдать за

него. Господи, молю тебя, помоги мне удержать птицу счастья в руках, помоги, Господи!»

И Франсуа молитвенно сложил руки на груди. Его блаженство прервал знакомый стук в дверь. На пороге стояла та же самая служанка, но на сей раз она держала в руках большой поднос, уставленный всяческой снедью. В центре подноса красовался оловянный кувшин с вином, а бока его подпирали две оловянные кружки с литыми крышечками и чеканными ручками. Выставив все на стол, служанка все так же молча сделала неглубокий реверанс и так же молча закрыла за собой дверь, которая, впрочем, тут же распахнулась, впуская Лиса. Притворив за собой дверь, Лис прошел к столу и, присев на дубовый табурет, налил себе и Франсуа вина из кувшина. Посмаковав вино на языке, Лис блаженно вздохнул и принялся за еду, показав слуге глазами, что тот может присоединиться.

Юноши не спеша ужинали, время от времени обмениваясь суждениями о том или ином блюде. Из-за двери доносились мягкие звуки лютни, а из растворенного окна с улицы слышалось неслаженное пение какой-то подвыпившей компании. Почти все из принесенного было съедено, и сейчас юноши попивали тонкое вино из оказавшегося довольно вместительным кувшина и болтали, словно два старых приятеля. Вновь пришла служанка и принесла кувшин чистой воды, который поставила возле раковины. Собрав со стола грязную посуду, девушка удалилась, оставив на столе лишь недопитый кувшин и кружки. Лис допил вино из кружки и, сладко потянувшись, обратился к Франсуа:

— Ну, давай-ка спать, мой милый. Завтра нам надо сделать много чего, так что пора отдыхать. Раздевайся и ложись спать. Живо, живо! — поторопил он и, сев на кровати, стал раздеваться.

Посмотрев на слугу, он нахмурился:

— Ты чего завалился на чистые простыни в пыльных штанах? А ну, снимай их!

Франсуа покраснел и вскочил с постели. Он стоял перед Лисом и старался отвести глаза в сторону.

— Ну, в чем дело?! — недовольный тем, что ему не лечь спокойно, зевнул Лис.

— Дело в том, — замялся Франсуа и, набравшись храбрости, тихо признался: — Дело в том, что у меня под штанами ничего нет, никакого другого белья, — он покраснел еще больше и старался не смотреть на своего господина.

— Господи, и дела-то?! — воскликнул Лис, но видя, как смущен Франсуа, продолжал более серьезно: — Небольшая беда, с одной стороны, но, с другой стороны, ложиться спать в грязных штанах тоже плохо.

Он почесал в затылке, обдумывая эту неожиданную проблему.

— Так, ладно, жди здесь, — и быстро одевшись, Лис вышел из комнаты.

Через некоторое время он вернулся, застав Франсуа все так же стоящим возле кровати. Приказав ему следовать за ним, Лис спустился по задней лестнице во двор гостиницы и, подойдя к огромной кадке с водой, поманил к себе Франсуа. Из темноты двора появилась служанка с ведром, полным горячей воды. Выплеснув воду в уже наполовину наполненную кадку, она молча удалилась. Принеся еще одно ведро, девушка пошла в дом и вернулась оттуда с волосяной мочалкой в одной руке и с чистой простыней в другой. Положив это все на скамеечку рядом с кадкой, она привычно сделала быстрый книксен* и ушла в дом.

* Книксен — неглубокий и быстрый реверанс, поклон с приседанием как знак приветствия или благодарности со стороны лиц женского пола (прим. автора).

Франсуа смотрел непонимающе на все эти приготовления, пока Лис ему не приказал:

— Раздевайся! Совсем, совсем, — добавил он, видя, что Франсуа мешкает.

Скинув с себя лохмотья, которые, надо признаться, порядком пропахли потом, Франсуа стоял голым, ожидая дальнейших приказаний своего господина.

— Залезай в воду и мой голову, — Лис нарочито суровым голосом приказал своему слуге.

Тот беспрекословно подчинился и, сидя в кадке по грудь в воде, отчаянно надраивал себе голову мочалкой и мыльным камнем. Полив ему на голову чистой воды, Лис присел на краешек скамейки, наблюдая за тем, как Франсуа истязал свое тело жестким мочалом.

Вдоволь помучив парнишку, Лис велел ему вылезать из этой импровизированной ванны и, окатив его с головы до ног чистой водой, дал завернуться в простыню, принесенную служанкой. Франсуа хорошенько вытерся и, завернувшись в простыню, словно в долгополый плащ, застыл, ожидая новых указаний от своего господина. В сумерках его худенькая фигурка, завернутая в белый балахон, напоминала кладбищенское привидение, и Франсуа, видимо, поняв это, поднял высоко в стороны руки и, растопырив хищно пальцы, завывающим голосом нараспев произнес:

— Что-о-о да-а-альше, мой повелитель???

Лис прыснул со смеху и, стараясь оставаться серьезным, дал привидению шлепка, приказав бегом бежать в комнату, отереть ноги и ложиться в постель. Фигура в белом, подпрыгивая и весело подвывая, умчалась наверх, а Лис собрал лохмотья Франсуа и, пройдя на гостиничную кухню, бросил их в затухающий уже очаг. Изношенная холстина мгновенно вспыхнула и через считанные минуты превратилась в черные обугленные хлопья. «Мир

праху его!» — почему-то вспомнилось Лису. Перемешав кочергой угли, он, не обращая внимания на кухонную прислугу, вышел в главный зал и, пройдя к дальнему углу длиннющего стола, сел за него и стал слушать девушку, поющую под лютню какую-то старинную балладу. Через некоторое время он поймал себя на том, что засыпает, и, сладко зевнув на прощанье немногочисленным посетителям, стал подниматься по лестнице в свои апартаменты. В комнате на столе догорала свеча, а новой нигде не было видно, и Лис, пользуясь последними мгновениями мерцающего фитилька, стал быстро раздеваться. Улегшись поудобнее, он взглянул на Франсуа, который уже спал, и подивился тому, какие причудливые тени отбрасывал неверный свет от огарка свечи на его мальчишеское лицо. На губах юнца блуждала мягкая улыбка, а пушистые ресницы слегка подрагивали, дыхание было тихим и плавным, а весь его вид говорил о том, что он видит сон, причем наверняка прекрасный. Любуясь безмятежностью Франсуа, Лис и сам не заметил, как провалился в темнеющую бездну сна.

Глава V

ДИТЯ ОГНЯ

Утром крики ругающихся между собой извозчиков на улице разбудили Лиса. Сонно повертев головой, он попробовал опять уснуть, но отдохнувший организм жаждал деятельности, и, поворочавшись с боку на бок, Лис отчетливо осознал, что выспался. Сев в кровати и сладко потянувшись, он осмотрелся. Через щель приоткрытого окна слышна была беспощадна ругань двух возничих, столкнувшихся телегами. Закрыв окно, Лис подошел к столу и налил себе немного вина. С кружкой вина в руках он снова залез на кровать и, откинувшись на подушку, стал задумчиво потягивать янтарный напиток. Франсуа все еще спал, лежа ничком на кровати. Одеяло с него сползло, оголив хорошо сложенную фигурку, и сейчас он во сне машинально старался его натянуть, слепо шаря правой рукой по своей ноге. Лис встал и, подойдя к нему, заботливо подтянул край одеяла к его руке. Рука уверенно вцепилась в ткань и потащила ее к оголенным плечам. Укрывшись, Франсуа сонно хрюкнул и, перевернувшись на другой бок, блаженно засопел. Лис потрепал его по голове и стал одеваться. Полностью одевшись, он глотнул еще вина и, взяв свой посох, стоявший в углу, вышел из комнаты, заперев за собой дверь на ключ.

В холле первого этажа он столкнулся с хозяином и стал расспрашивать того, как ему найти ближайшую лавку, торгующую одеждой. Получив нужные указания, Лис, поблагодарив, направился к выходу, но в дверях обернулся и спросил услужливого немца:

— Послушайте, любезный, а почему ваша гостиница называется «Тевтонский рыцарь»? Ведь здесь же Франция?

Немец расплылся в горделивой улыбке, и было видно, что он польщен вопросом.

— Имею честь сообщить фам, что я есть наследный дворянин Тевтонского ордена, а мой храбрый дед был героем Грюнвальдской битвы* и погиб в ней, оставив моему отцу прилишное наследство. Переехав сюда, он построить этот гостиница и назвать его в честь славного тевтонского рыцаря, каким был его отец, а после смерти моего отца заведение досталось мне.

Маленький толстеющий бюргер с достоинством поклонился, всем видом выказывая свою гордость за своего отца, за героев Грюнвальдской битвы и за весь Тевтонский орден в целом.

«Что-то этот лысеющий пухлик не особенно похож на потомственного рыцаря», — подумал Лис, но вслух сказал:

— Господи, как интересно! Так вы родной внук одного из доблестных рыцарей, что пали во славу ордена в Грюнвальдской битве?! Примите от меня мое уважение! — и Лис восхищенно потряс руку польщенному немцу.

Выйдя на улицу, Лис про себя добавил: «Только, помнится, надавали им тогда по шее».

Улицы города уже бурлили своей повседневной жизнью, когда Лис брел по мостовой, выискивая нужную вывеску. Найдя большую лавку, торгующую готовым платьем, он тем не менее прошел дальше, пока не наткнулся на одну из многих, разбросанных по городу, конторку меняльщика. Отсыпав в карман из своего увесистого кошелька с десяток золотых кубиков, он вошел внутрь. Немного времени спустя, он появился вновь на улице,

* Грюнвальдская битва — решающее сражение между Тевтонским орденом и соединенными войсками Королевства Польского, Великого княжества Литовского и русскими Смоленскими полками, практически положившее конец Великой войне (1409–1411 годы), в которой пал почти весь Тевтонский орден и закончилась эпоха гегемонии крестоносцев на территории Европы (прим. автора).

сопровождаемый владельцем меняльной лавки. И тот и другой улыбались, что говорило о состоявшейся, к обоюдному удовольствию, сделке.

Засунув второй кошелек, полный серебряных монет, среди которых, правда, было и несколько новеньких золотых, за пояс, Лис зашагал в обратном направлении, возвращаясь в лавку, торгующую одеждой. Возле лавки были выставлены многочисленные скамьи и вешалки, заваленные всевозможной одеждой. Возле них суетился подмастерье, зазывая прохожих и расхваливая достоинства того или иного платья. Увидев, что Лис заинтересовался товаром, подмастерье начал выплясывать вокруг него замысловатый танец, снимая и вешая назад штаны, рубахи, сюртуки, куртки, камзолы и тому подобное. На помощь ему выскочил хозяин лавки, и теперь они вдвоем кружили вокруг покупателя, треща без умолку. Наконец, был выбран довольно дорогой охотничий костюм, простота отделки которого компенсировалась благородством фасона и добротностью ткани. Добавив к этому тонкую рубашку и кое-что из нижнего белья, Лис, к величайшему удовольствию продавцов, не торгуясь, отдал им требуемую сумму и, запихнув обновки подмышку, пошел искать сапоги для Франсуа.

***

Никто в мире не смог бы догадаться, какой сладкий сон приснился этой ночью Франсуа. Да он и сам не помнил в точности, но счастливая улыбка, сопутствующая его пробуждению, должна была говорить о многом. Потянувшись в постели, Франсуа открыл глаза и мечтательно стал разглядывать узенький лучик света, пробивающийся сквозь ставни. Лиса в комнате не было, и Франсуа не торопился вставать. Он лежал еще некоторое время, мечтая о чем-то своем, а когда хотел встать, то вспом-

нил, что совсем раздет. Соскочив с кровати, он принялся искать свою одежду, но вскоре убедился, что ее нет в комнате. Подойдя к двери, он попробовал ее приоткрыть, но она была заперта на ключ. Побродив по комнате, Франсуа взял со стола свою кружку и налил немного вина. Подойдя к окну, он растворил его, и в комнату ворвался шум улицы и утреннее солнце. Франсуа, застывший у окна, обнаженный и с кружкой вина в руке, напоминал юного греческого бога, смотрящего с Олимпа на людишек, копошащихся внизу. Его нагота, невидимая с улицы, была прекрасна. Тонкие мышцы, вычерчивая упругие линии, спускались от плеч к узкой юношеской талии. Крепкие, словно два больших яблока, ягодицы, аккуратно дополняли стройные и сильные ноги. Мягкие пушистые волосы ниспадали на шею и плечи, а осанка и впрямь была под стать богу. Прекрасный, словно сама

юность, стоял он возле распахнутого окна и вдыхал полной грудью прохладный утренний воздух. Снизу доносился гвалт голосов, скрип телег, вопли нищих, стук копыт, ругань солдат, визг поросенка с кухни, стук молота из соседней кузни… Все были заняты своими повседневными делами, своими заботами, своими житейскими мелочами, и никто не мог и подумать, что сейчас на них откуда-то сверху, прекрасный в своей наготе, взирает юный бог.

В дверях повернулся ключ, и в комнату вошел Лис, неся охапку каких-то вещей. Бросив принесенное на кровать, он лукаво посмотрел на обнаженного Франсуа.

— То-то я думаю, чего это наша молчаливая служанка прилипла глазом к замочной скважине. Только когда я ее легонько шлепнул по заду, она смогла оторваться от своего занятия. Ты бы видел, как пылали ее щечки… Похоже твое тело, когда оно чистое, производит впечатление на девушек, а ведь вчера она на тебя совсем не обращала внимания. Да-а, великая вещь мыло и мочалка. Этой аккуратной немке во всем нравится чистота, а когда она увидела чистым тебя, то вообще сошла с ума.

Франсуа, поняв шутку, смущенно заулыбался, в то же время с любопытством кося глаза на ворох новенькой одежды, лежащей на кровати. Лис перехватил этот взгляд и, усевшись вальяжно на табурете, добродушно разрешил:

— Бери, бери! Это все тебе. Хватит нагишом стоять. Одевайся, да побыстрее, нам надо еще лошадей купить, а где эта чертова площадь, я так и не понял.

Франсуа несмело подошел к кровати и стал рассматривать обновки. Надев тонкую рубашку, он отыскал в куче одежды плотные высокие носки и надел их тоже. Наконец извлеченные узкие и коротенькие панталоны прикрыли его наготу, и он принялся за осмотр костюма.

Прекрасно скроенный костюм сидел на Франсуа как влитой, будто по нему был сшит, но Франсуа, не веря в такое блаженство, все крутился в нем, выискивая тайные изъяны. Поняв, что их нет, он даже засмеялся от восторга. Он готов был броситься и расцеловать Лиса, но подсознательное чувство субординации остановило его. Натянув мягкие кожаные сапоги, Франсуа прошелся в них по комнате, поприседал, вновь прошелся и с удивлением посмотрел на своего господина.

— Все это будто по мне сшито, а сапоги в самую пору, как это возможно?! — изумленно спросил он Лиса.

— Ну, ничего сложного здесь нет, — поспешил успокоить его тот, — костюм я подобрал на глазок, а сапоги… — И он достал из кармана обрывок веревки с двумя завязанными узелками. — Когда я утром уходил, то замерил твою босую ступню, благо она торчала из-под одеяла. Вот видишь, как все просто! Ну давай, застегивайся и пошли!

Франсуа затянул на поясе мягкий толстый ремень и, одернув полы охотничьей куртки, вытянулся в струнку перед своим господином.

— Готов следовать за вами хоть на край света, мой повелитель!

Лис крепко хлопнул его по плечу и заговорил торжественным басом:

— Прекрасные слова, мой мальчик! Так идем же и найдем эту таинственную площадь с ее лошадями, седлами, уздечками, сеном… и навозом! — добавил он с меньшим энтузиазмом.

Юноши, смеясь, вышли из комнаты и стали спускаться по лестнице. В холе первого этажа все ставни были открыты настежь, и солнечные лучи щедро золотили мрачные стены и холодный камин. Несколько посетителей завтракали, а может, уже и обедали, но уж точно не ужинали. Двое стражников в кирасах и с длинными алебардами наспех выпили по стаканчику вина и поспешили на улицу. Хозяин услужливо кланялся им вслед, а когда они скрылись из поля зрения, понес пустые стаканы на кухню.

— Перекусим позже! — ответил Лис на немой вопрос Франсуа, и они весело зашагали вдоль по улице, глазея по сторонам.

Проходя мимо оружейной лавки, Лис задержался и, немного поколебавшись, зашел внутрь. Все помещение от пола до потолка было завалено всевозможным оружием, доспехами и другими разными вещами, которые имели хотя бы отдаленное отношение к войне. За прилавком стоял высокий седой старик, разглядывавший на просвет золоченую кольчугу с огромной прорехой на животе. По тому, как торопливо он ее спрятал под прилавок при виде посетителей, можно было предположить, что она недавно была приобретена наверняка за бесценок у какой-нибудь темной личности. То, что старик приторговывал краденым или снятым с покойников, никого бы не удивило, стоило только повнимательнее изучить товар, разложенный на столах. Тут были сломанные мечи, но с богато украшенной рукоятью; пробитые насквозь щиты и шлемы; кинжалы без ножен; вымпелы с горделивыми гербами, чьи хозяева давно кормили червей; пробитые стрелами нагрудники; старый кистень без цепи и тому подобный хлам. Но, ко всему прочему, среди рухляди было навалено достаточно много неплохих экземпляров. Острые тяжелые алебарды, тонкие кинжалы и огромные двуручные мечи, венгерские палаши и арабские метательные ножи, индийские сабли и испанские навахи, обоюдоострые мечи всех размеров и закалок, арбалеты, луки, пращи — казалось, оружие всех времен и народов было собрано в этой лав-

ке. Юноши с любопытством разглядывали все эти плоды цивилизации, призванные резать, рубить, колоть, протыкать и оглушать все живое. Старик тенью следовал за хорошо одетыми посетителями, нахваливая им свой товар. Копаясь в грудах оружия, Лис подобрал себе легкий и острый, как бритва, кинжал, а для Франсуа короткий восточный меч и английский тяжелый кинжал в кожаных с серебром ножнах и с рукоятью, обшитой черной дубленной кожей.

— О да, вы разбираетесь в оружии?! — воскликнул торговец, увидев выбор Лиса. — Вы выбрали лучшее из лучшего!

— Да, и, наверно, самое дорогое. Так всегда говорят, — и Лис насмешливо взглянул на продавца.

Тот засмущался от такой откровенности и стал молча перекладывать груду кинжалов с места на место.

— Стойте! — вдруг крикнул старику Лис, и тот замер как вкопанный.

Лис протянул руку к россыпи ножей и кинжалов и благоговейно извлек из-под нее блестящий узкий нож с черной рукояткой в виде трезубца.

— Господи! Да ведь это настоящий сай*, — изумленно прошептал Лис. — Жаль, что нельзя…, — он умолк и, несколько раз ловко крутанув в руке странный кинжал, положил его на место.

Расплатившись за приобретенное ранее, «вооруженные до зубов» юноши покинули лавку и направились искать площадь, на которой всегда можно было купить всякую живность и лошадей в том числе. Постоянно спрашивая у прохожих дорогу, юноши тем не менее все время сбивались с пути, путаясь в лабиринтах узких ули-

* Сай — японский кинжал, напоминающий трезубец, которым можно было ударить или обезоружить противника, поймав его клинок ловким поворотом сая (прим. автора).

чек и проулков. Многочисленные лавки, ремесленные мастерские, палатки, торгующие всем и вся, уже не так привлекали их внимание, но замедляли продвижение к цели. Судя по всему, искомая площадь находилась совсем на другом конце города, и юноши, уже изрядно проголодавшись, решили зайти перекусить. В таверне, которую они почтили своим посещением, было довольно людно. Извозчики, забежавшие смочить горло, крестьяне, привезшие продукты для продажи, заезжие торгаши, спорящие о чем-то меж собой, стражники, видимо, свободные от смены, играющие в кости и тискающие по очереди дородную кабацкую девку, разносящую вино, некий потрепанный господин с одутловатым лицом и неуемной жаждой, бормочущий себе под нос какие-то бессмысленные угрозы — вот такое пестрое общество пополнили вновь прибывшие. Усевшись на скамью, натертую до блеска задами посетителей, юноши потребовали себе завтрак и в ожидании его вполголоса делились впечатлениями о том или ином посетителе. Как оказалось, зал имел некое продолжение, наполовину отгороженное от основной публики. На более чистой половине таверны стояло несколько столов, два из которых были заняты. За центральным сидела группа хорошо одетых господ, говорящих между собой на фламандском. А угловой столик занимал седой старик, одетый в просторный восточный халат, и двое подвыпивших молодых людей. Старик гадал одному из них по руке, и поскольку столик наших юношей находился неподалеку, до них иногда долетали обрывки фраз.

— … и будет у тебя жена-красавица и богатый дом. А если изберешь военную стезю, то обретешь громкую славу и богатые трофеи… — слышался голос старика.

Молодой человек, которому были предначертаны тайные откровения, самодовольно улыбался и важно ки-

вал головой, время от времени обращая внимание своего товарища на то или иное лестное предсказание. Старик, умело пользуясь самовлюбленностью барчука, вытягивал из него медяк за медяком, и к тому времени, когда удовлетворенные своей грядущей славой молодые люди покинули таверну, пяток мелких монет из их кошельков перекочевал в карман халата провидца. Проводив чуть заметным поклоном своих клиентов, старец налил себе чая из замысловатого восточного сосуда и, поднеся к губам глиняную пиалу, стал степенно потягивать ароматный напиток. Покончив с этим занятием, он оттер бороду и, отставив в сторону пиалу, поднял глаза, высматривая потенциальных клиентов. Остановившись на наших юношах, он приосанился и поманил их рукой. Что-то гипнотическое было в этом жесте, так как оба юноши, как по команде, встали и, оставив недоеденным завтрак, подошли к столику гадальщика. Тот вежливым жестом предложил им сесть и лишь после этого заговорил.

— Не желают ли достопочтимые гости узнать свое прошлое, будущее и настоящее? За несколько монет я поведаю вам о том, что ждет вас впереди, открою тайны прошлого, помогу разобраться в настоящем. Восточная магия, которой я много лет обучался в Индии, Китае и еще одной стране, скрытой от глаз простых смертных, позволяет мне предугадывать события, смотреть в прошлое и будущее, изменять судьбы людей. Попробуйте, и, возможно, тогда вы не пропустите того счастливого поворота судьбы, который сейчас вам не заметен.

Старик многозначительно замолчал, перебирая в руках четки.

Стол перед ним был завален всяческими магическими предметами: пентаграммами, гороскопами, картами звезд, глиняными табличками с какими-то иероглифами, гадальными костями, непонятными инструментами

и разноцветными стекловидными шариками разной величины. Несмотря на всю эту завораживающую утварь, юноши довольно скептически отнеслись к прозвучавшему предложению. Точнее говоря, скептически отнесся только Лис, Франсуа же, кажется, готов был поверить в слова мага.

— По-моему, это все шарлатанство, — высказался Лис, но, увидев, как Франсуа умоляюще на него смотрит, пожал плечами. — Впрочем, я готов заплатить за то, чтобы мой слуга услышал о великих милостях, которые ему готовит судьба. Пусть потешит себя несбыточными

мечтами. Лишь об одном вас прошу, старайтесь не повторяться в своих посулах, какие вы раздавали двум простакам, сидевшим до нас за этим столом.

— О, мой недоверчивый юноша! — воскликнул старец. — Те двое спесивых господ, что были здесь до вас, слышали лишь то, что хотели слышать их привыкшие к лести уши. Таким, как они, правда не нужна, если она неприглядна, но сладкая лесть усладила их душу, и они ушли довольные собой, оставив мне то, что мне от них нужно было.

И старик погремел медяками в кармане.

— Если вам нужна только правда, я буду правдив. И если вам покажется, что я пустословлю и вру, можете не платить мне ничего. И да будет Аллах вам судья!

С этими словами он осторожно взял в свои ладони ладонь Франсуа и стал водить по ней указательным пальцем, что-то бормоча себе под нос. Франсуа сидел, боясь шелохнуться, лишь изредка бросая взгляд на своего хозяина.

Старик сосредоточенно изучал ладонь юноши, чему-то хмурясь и ворча. Вдруг он удивленно вскинул глаза и уставился на Франсуа.

— … Круг, нет, спираль. Спираль жизни сквозь спираль смерти… Жизнь… Сын, мальчик. Сын земли и ветра… Сын… Пожар, огонь везде… Скитания… Смерть. Снова скитания… Ветер, опять ветер и… смерть. Спираль смерти… Ветер… Спираль жизни… Ветер… ветер… — старик бессильно затих, утирая со лба капельки пота.

Он выпустил из своих рук ладонь Франсуа и сидел, опустив голову и закрыв глаза, успокаивая свое учащенное и хриплое дыхание. Франсуа был неподвижен, лишь заворожено смотрел на мага. Лис тоже молчал, ожидая, когда старик снова заговорит.

Тот еще с минуту молчал, но потом открыл глаза и заговорил прежним, нормальным голосом.

— Очень странная судьба у тебя, отрок. Твое зачатие непонятно для меня. Но твоя последующая жизнь как на ладони. Потом вновь дорога приводила меня к краю пропасти, через которую нет пути, но ты, на мгновенье исчезнув, вдруг очутился на другой ее стороне. Я побоялся проследить за тобой дальше, так как не смог бы вернуть свою душу обратно сюда, загляни я хоть одним глазком в бездну богов. Ума не приложу, что происходит… Могу сказать только, что ты родился во время пожара. Отца ты не знаешь, а мать недавно схоронил. Твои скитания увенчаются успехом, хотя им будет смерть. Почему, я не могу понять, но смерть твоя придет сама по себе, без всякой естественной или неестественной причины, а так не бывает, и поэтому ты, может быть, совсем не умрешь, хотя так тоже не бывает. Скорее всего, с твоим будущим я что-то напутал, но прошлое было таким, правда, ведь?

Напуганный словами старика, в которых реальные события прошлого загадочно сплетались с немыслимыми предсказаниями будущего, Франсуа, не в силах вымолвить и полслова, только кивнул и перевел взгляд на Лиса, словно ища поддержки.

Лис первым пришел в себя и, отстранив Франсуа, сам сел на его место. Достав несколько серебряных монет, он положил их перед стариком и протянул ему свою ладонь.

— Почтеннейший! Все, что вы говорили, было крайне интересно, и сейчас я хотел бы на себе испытать ваше искусство видеть прошлое и будущее. Расскажите мне что-нибудь обо мне, а эти деньги можете оставить себе, даже если вы в чем-то ошибетесь.

Старик с достоинством убрал серебро в тощий шелковый кошелек, который спрятал в своем широком поясе, и, взяв в ладонь кисть нового клиента, склонился над ней. Довольно долго он что-то бубнил, время от времени поднимая глаза на Лиса и заговорщицки хмыкая. Рас-

сматривая ладонь юноши и так и сяк, старик, казалось, увлекся ее изучением, забыв о владельце. Лишь по прошествии четверти часа он, наконец, оторвался от нее и взглянул юноше в глаза.

— Такого мне еще не приходилось видеть в своей жизни, — признался маг. Потом он сосредоточенно потер себе виски, нашептывая какое-то заклинание, и поднес свою ладонь ко лбу Лиса. Продолжая что-то нашептывать, старик прижал открытую правую ладонь вплотную ко лбу, а левой ладонью прижал свое правое запястье. Его старческий шепот стал напоминать скорее предсмертный хрип, когда он резко, словно его ужалила змея, отдернул руку. С благоговейным ужасом он смотрел на юношу, не переставая бормотать извинения. От взора Франсуа не укрылось, что старик мгновенно левой рукой схватил со стола какой-то амулет и теперь крепко сжимал его в кулаке, пряча руку под стол.

— Да что с вами?! Успокойтесь, пожалуйста! — воскликнул Лис, пораженный реакцией старика. Но тот и не думал успокаиваться, а все скулил какие-то непонятные извинения в адрес своего клиента. Наконец он более или менее пришел в себя и дрожащим от перенапряжения голосом спросил:

— О, могущественный господин, вы решили посмеяться над бедным стариком?!

— Что ты имеешь в виду? — удивился Лис.

— Вы сами знаете, что! Ваша сила над людьми гораздо больше моей. Вы просили меня о такой «безделице», как предсказать будущее, когда сами держите в руках спираль судеб. Прошу вашей милости простить меня за дерзость, и разрешите мне удалиться.

С этими словами он сгреб в полу халата свою магическую утварь и, не переставая вежливо кланяться, стал пятиться к двери, ведущей во двор таверны. Достигнув ее, он развернулся и выбежал прочь, бормоча какую-то несуразицу.

Юноши изумленно смотрели ему вслед, а когда дверь за ним захлопнулась, Франсуа взглянул на Лиса, ожидая от того подтверждения или опровержения услышанного. Лис обезоруживающе улыбнулся и, пожав плечами, успокоил своего спутника:

— Сумасшедший какой-то старик. Наговорил тут бог знает чего и сбежал. Про тебя он, видимо, все точно угадывал, а про меня сочинить ему, похоже, не хватило воображения, вот он и сбежал, а то, не дай бог, мы бы потребовали наши деньги назад… Да не колдун я, не колдун! — в сердцах добавил он, видя, что Франсуа все еще сомневается.

Они вернулись за свой столик, чтобы закончить завтрак. Когда все было съедено, юноши вышли на улицу, обсуждая предсказания гадальщика. Лис настаивал на том, что старик, оказавшись шарлатаном, просто надул их, сбежав с деньгами и ничего при этом не рассказав о Лисе. Франсуа же склонялся к тому, что старик говорил правду, так как о пожаре, который спалил все селение, в день, когда сам он появился на свет, ему рассказывала мать. Она также поведала ему, что вынуждена была переселиться в соседнюю деревню, ближе к городу, дабы имелась возможность подработать в случае чего в городе. Сначала был пожар, потом она скиталась, потом умерла, потом скитался он — так что все правильно говорил старик…

— Слушай ты, дитя огня! — прервал его Лис. — Ты что хочешь сказать всем этим, что я колдун?

Франсуа лукаво посмотрел на своего хозяина и, заговорщицки подмигнув ему, прошептал:

— Я думаю, да! Но это не меняет моего отношения к вам. Я по-прежнему предан вам и готов идти за вами хоть на край света, где, возможно, меня поджидает та пропасть, пути через которую нет. Что ж, я готов отдать всю свою жизнь, чтобы проводить вас туда, а там, дай бог, может удастся перепрыгнуть через нее?!

— Ты это серьезно? —Лис изумленно воззрился на юного заговорщика.

Поняв, что тот шутит, он тем не менее серьезным тоном его одернул:

— Франсуа, думай обо мне, что хочешь, но сейчас мне надо успешно завершить эту экспедицию, ты мне будешь в ней помогать, а потом придется расстаться. И наверняка это будет не возле какой-то пропасти, а в хорошем трактире, за столом, уставленным вином и обильной едой. Если, конечно, я не выгоню тебя раньше за твои, достойные святой инквизиции, подозрения. Если ты тайный ее агент, то скажи мне об этом, и я сам куплю дров для костра, на котором ты собираешься меня поджарить. Наверное, только таким способом я смогу оправдаться в твоих глазах.

Франсуа улыбнулся и, поддержав игру, воскликнул:

— А вон как раз и дрова продают! — И сделал вид, что бросился догонять повозку с дровами, сворачивающую в один из переулков.

— Ах ты предатель! — воскликнул Лис и влепил слуге подзатыльник.

Потом задумчиво посмотрел вслед повозке с дровами, за которой следовали еще две нагруженные сеном, и вдруг его осенило:

— Послушай-ка, Франсуа, а почему бы нам не увязаться за этим сеном, которое вполне может нас вывести к лошадям?!

— Отличная мысль, — пробурчал Франсуа, обиженно потирая затылок.

— Хватит дуться, пошли! — И юноши свернули в переулок, вслед за телегами с сеном.

И действительно, пройдя совсем немного, они вышли на большой пустырь, где шла оживленная торговля дровами, сеном, коровами, лошадьми и разной более мелкой живностью.

— Да вы действительно колдун! — воскликнул Франсуа и тут же, отскочив на безопасное расстояние, скороговоркой добавил: — Все, все, молчу! Я пошутил, только больше не деритесь, а то вышибете случайно мне последние мозги, и будет у вас слуга-дурачок.

— Ладно, не буду пока, — милостиво согласился Лис и, достав кошелек с серебром, протянул его слуге. — Возьми деньги и купи двух лошадей. Ты из деревни и должен разбираться лучше меня в этом вопросе. Лошади должны быть выносливые и не очень шикарные, чтоб никто не позарился увести у нас их. Действуй, а я посижу вон там, в тенечке. — И Лис направился к группке деревьев на краю пустыря.

Франсуа, гордый оказанным доверием, направился в гущу торга, а его господин, присев на зеленую травку в тени густых деревьев, принялся играться недавно купленным кинжалом. Кинжал оказался легким и прочным, к тому же отточенным на совесть, и Лис не заметил, как тут же порезал себе палец, взявшись за острое, как бритва, лезвие.

«Однако, — подумал Лис, — так себе и палец отрезать можно».

И уважительно воткнув клинок в ножны, принялся осматривать рану. Ранка, к счастью, оказалась неглубокой и уже начала запекаться. Лис, успокоившись, уже хотел вздремнуть в тенечке, как из толпы показался Франсуа, ведший за собой на поводу двух лошадей. Это были взрослые жеребцы, один с берегов Англии, другой, похоже, из солнечной Испании. Вид у них был довольно ухоженный, и к тому же они были уже полностью экипированы. Франсуа подвел Лису английского жеребца и с гордостью поведал о том, что купил его за бесценок у одной очень почтенной вдовы, которая поначалу заломила такую огромную цену (и Франсуа поднял глаза

к небу), что только настойчивость Франсуа и неразборчивость в лошадях старухи помогли снизить цену почти вдвое.

— А жеребец отличный, — и Франсуа ласково потрепал гриву коня. — Может, с виду и не такой красавец, но благородных кровей и очень выносливый. К тому же его всегда можно будет продать намного дороже, чем я за него заплатил. И обернувшись к другой лошади, добавил: — Этот тоже довольно выносливый, хотя и не таких чистых кровей, как англичанин. Мне пришлось изрядно поторговаться, пока его хозяин не согласился отдать мне коня, седло и сбрую за ту цену, которую он хотел только за одного коня. Несомненно, это тоже очень удачная покупка. И поверьте мне, господин Лис, что эти лошадки наиболее подходящие для нашего похода. Вот ваш кошелек, и я жду дальнейших распоряжений, — и с этими словами он отдал оставшиеся деньги своему господину, ожидая заслуженной похвалы.

Тот не заставил себя долго ждать и, похвалив слугу за предприимчивость, добавил к словам новенькую блестящую крону. Франсуа бережно спрятал золотой в кармашек своей охотничьей куртки и, поблагодарив Лиса, вскочил в седло испанца. Лис, проверив, хорошо ли затянут ремень на брюхе лошади, тоже вскочил в седло, и юноши мерным шагом направились к «Тевтонскому рыцарю». По дороге они купили седельные сумки и еще кое-какие необходимые в походе вещи.

Добравшись до гостиницы, юноши отвели коней в стойло, передав их в руки конюха. Конюх, приняв у них лошадей и мелкую монету в придачу, поинтересовался, когда они должны быть готовы. Услышав, что к утру, конюх молча кивнул и оценивающе осмотрел жеребцов. Одобряюще хмыкнув, он принялся их расседлывать, мурлыча себе под нос незамысловатую песенку.

Оставив лошадей в конюшне, юноши прошли в свою комнату и умылись с дороги. Освежившись и отдохнув, они принялись рассматривать обновки, купленные сегодня в городе. Вопреки утвердившемуся мнению, что только женщины способны часами спорить по поводу новокупленной вещицы, наши юноши с не меньшим энтузиазмом перебирали обновки. Оружие было осмотрено уже в пятый раз и признано вполне достойным. А когда дошла очередь до охотничьего костюма, то Франсуа так извертелся, показывая Лису все достоинства покроя, что у того зарябило в глазах. А Франсуа с неутомимостью парижской модницы все вертелся перед Лисом, пока тот, наконец, не отослал его за ужином.

После сытного, хотя и довольно раннего ужина, юноши вышли ненадолго прогуляться, но тихий летний вечер был таким прекрасным, что прогулка по окрестностям затянулась, и они вернулись в гостиницу уже в глубоких сумерках.

Глава VI

СЛУГА И ГОСПОДИН

Утро ворвалось в комнату ярким потоком солнечных лучей и шумом улицы из растворенного окна. Протирая глаза, Лис сел на кровати и, щурясь от яркого света, огляделся по сторонам. Возле открытого настежь окна стоял Франсуа и виновато поглядывал на своего господина.

— Уже и завтрак готов, а вы все спите и спите. — произнес Франсуа и, подавая Лису вычищенную одежду, добавил: — Я только хотел проветрить комнату, а тут и вы проснулись.

— Негодник! — будто сердясь, воскликнул Лис. — Ты специально меня разбудил. И из-за тебя я не досмотрел, быть может, самый сладкий сон в моей жизни.

Сказав это, Лис шутя запустил сапогом в своего слугу, который нарочно повернулся так, чтобы сапог попал ему прямо по мягкому месту. Отскочив от удара сапога в угол комнаты, Франсуа, нарочито громко вскрикнув, принялся растирать себе ягодицы, как от хорошего пинка.

— Ну вот, — подвывал он жалобным тоном, — у всех хозяева как хозяева, а мой меня по утрам сапогами избивает за мое усердие. Ну что я за несчастный такой? — И Франсуа застонал так, будто его все утро колотили палками.

— Тебе надо было в актеры наниматься, а не в слуги, — со смехом отозвался Лис. — Надо признать, господин актер, что первая часть спектакля — «Пробуждение», у вас прошла отлично, и теперь отправляйтесь на кухню и подготовьте все к части второй — «Завтрак». Надеюсь, она будет настолько же хороша по материальному содержанию, насколько первая была хороша по духовному.

— Уже лечу! — весело отозвался Франсуа и бегом бросился из комнаты.

Было слышно, как он, что-то напевая, спускался вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

«Да, совсем еще мальчишка», — подумал Лис.

Закончив одеваться, он тоже поспешил вниз, где его уже ждал накрытый стол.

После завтрака Франсуа пошел выводить лошадей, а Лис принялся расспрашивать хозяина о том, как лучше проехать до интересующего его места. Получив подробные объяснения и напутственные советы, Лис попросил хозяина позаботиться о припасах им в дорогу. На прощание Лис бросил на стол золотую крону, чем привел в повизгивающий восторг трактирщика.

Вскоре приготовления были закончены, и оба юноши тронулись в путь. Солнце еще не пекло, и всадники не спеша ехали по городским улочкам, купаясь в теплых лучах солнца. Выглядели оба всадника довольно достойно, и многие горожане оглядывались им вслед, гадая, кто они такие. Плавно покачиваясь в седле, Лис с любопытством разглядывал торговые ряды и ремесленные лавчонки, возле которых бурлила жизнь. Торговля и ремесла процветали, в чем, видимо, была немалая заслуга монарха. Людовик XI явно покровительствовал этим двум символам процветания своей страны. Лис замечал, что горожане в большинстве своем одеты были опрятно, а в городе строилось много новых домов, что свидетельствовало о достаточном благополучии народа в этих краях. Возле одной из лавчонок он придержал коня и, не торгуясь, купил два тонких шерстяных одеяла. Сунув их в седельную сумку, Лис пришпорил коня, догоняя Франсуа, который, ничего не замечая, продолжал ехать медленным шагом по улице. Вид у него был такой гордый, что некоторые горожане подумали было, что это слуга догоняет своего господина, а не господин слугу. И эта ошибка была им простительна, так как весь облик всадника говорил о том,

что это благородный юноша. Великолепный охотничий костюм прекрасно облегал стройную фигурку. Небольшой дорогой меч, висевший на поясе, внушал уважение, тонкие и красивые черты лица притягивали, а открытый взгляд больших темных глаз вызывал доверие. Многие прекрасные головки провожали всадника с невольным страстным вздохом. Ревнивые мужья строго окликали своих молодых женушек, многие из которых, засмотревшись на красавчика, переставали работать и, вывернув шеи, завистливо провожали его взглядом. Никто бы сейчас не поверил, что всего два дня назад этот парнишка, одетый в лохмотья, умирал от голода и жажды на пыльной сельской дороге, а ныне это был блистающий, благородный юноша.

Франсуа, замечая, какое он производит впечатление, еще больше напыжился и, гордо подняв голову, с некоторым высокомерием поглядывал по сторонам. Лис, видя, как Франсуа купается в лучах мимолетной славы, не стал его одергивать, а лишь ехал чуть позади и посмеивался над своим слугой, над собой горе-господином, над доверчивым народом, который извечно преклоняется перед внешним блеском.

Так они проехали весь город и выехали из него через восточные ворота. Хлипкие дома и жалкие лачуги, примостившиеся возле городских стен, постепенно редели, уступая место огородикам и лоскутам возделанной земли. Франсуа с сожалением вздохнул, заметив, что его провожают уже не восхищенные взгляды горожан, а лишь пыльные придорожные кусты. Обернувшись к своему господину, Франсуа увидел, что тот трясся от беззвучного смеха.

— Sic transit gloria mundi — так проходит земная слава, — закончив, наконец, смеяться, поучительным тоном произнес Лис.

— Франсуа, ты выглядел просто принцем крови, объезжающим свои владения. Толпы городских зевак ты, наверное, принял за своих верных подданных, а мне отвел роль смиренного слуги, позволив тащиться в хвосте нашего небольшого отряда. Благодарю за честь, Ваше Высочество, и беру на себя смелость объявить вам, что вы сегодня лишаетесь вина за обедом и ужином. А то у вас и так кружится голова от успехов.

И сказав это, Лис снова залился своим беззвучным смехом. Франсуа покраснел до корней волос и принялся бормотать какие-то извинения в адрес своего господина. Но тот, продолжая смеяться, пришпорил лошадь и, подав знак последовать его примеру, быстро поскакал вперед. Франсуа не заставил себя долго ждать, и уже через какое-то мгновение его испанец мчался по дороге, нагоняя первого всадника. Поначалу Франсуа отставал от Лиса ярдов* на сто, которые тот набрал на старте, но постепенно расстояние между ними сокращалось, и вот уже лишь тридцать ярдов отделяло всадников друг от друга. Испанский жеребец, чувствуя легкость своего седока, летел как на крыльях, и прошло совсем немного времени, когда разрыв между скачущими составлял лишь два корпуса лошади. Подтянувшись еще немного, Франсуа весело крикнул:

— Вы проиграли, мой господин, я не обгоняю вас только из соображений этикета. Но если вам не угодно сдаться, то боюсь, что пыль из-под задних копыт моей лошади оставит приличный слой грязи на вашей одежде.

Лис обернулся через плечо и, трезво оценив ситуацию, перевел коня на мелкую рысь. Франсуа тоже притормозил, и теперь оба всадника ехали бок о бок.

— Негодяй, ты выбрал себе лучшую лошадь, а теперь еще и издеваешься, — и Лис шутя отвесил слуге увесистый подзатыльник.

---

* Ярд — старинная английская мера длины = 0,9144 метра (прим. автора).

Франсуа, ничуть не обидевшись, парировал:

— Мой конь настолько быстрее вашего, насколько вы больше выпили вчера вина и стали, соответственно, тяжелее. И по всему видать, что завтра он будет еще быстрее.

Этот прозрачный намек заставил Лиса улыбнуться.

— Ладно, — проговорил он нарочито ворчливым тоном. — Придется разрешить тебе сегодня глотнуть разок-другой из фляги, а то еще, не дай бог, тебя ветром сдует, беднягу.

Франсуа благодарно кивнул и, как ни старался удержаться, расплылся в победоносной улыбке. Лис сделал вид, что не замечает его довольной физиономии, и продолжал все тем же ворчливым тоном:

— Мне кажется, Франсуа, что я переоценил твои достоинства, по-моему, ты печешься о своем желудке больше, чем нужно, а ведь обжорство и пьянство — друзья лености, и я боюсь, что вместо помощника я приобрел себе обузу.

— Ах, сударь! — нимало не смутившись, воскликнул Франсуа. — Вам легко говорить, вы благородный господин, мысли которого заняты, несомненно, важными делами. А я простолюдин, мне нечего задумываться над высокими материями. Я весел, когда сыт, и печален, когда голоден. Я делаю свое дело, когда это нужно, но когда в этом нет необходимости, то я не прочь и побездельничать. На сегодняшний день все мои заботы — мой желудок. Я слежу за тем, чтобы он был сыт. Признаю, низменная забота, но ведь и родился я в лачуге, а не в родовом поместье или замке рыцаря. Сейчас вы меня поите и кормите, и я постараюсь в лепешку разбиться, чтобы угодить вам. И, может, я кажусь вам несмышленым мальчишкой, но, поверьте мне, вы еще на раз убедитесь в правильности вашего выбора. Грех, конечно, себя хвалить, но

я действительно способен на многое, я чувствую в себе какие-то тайные силы, которые вселяют в меня уверенность. Мне иногда снятся чудные сны, непонятные страны и народы. Иногда какой-то внутренний голос подсказывает, как мне поступать, и я никогда не ошибался, послушав его. Я не обременен богатством, домом, семьей, у меня есть лишь моя жизнь, и если вам понадобится, вы можете смело на нее рассчитывать, так как за то время, что я вас знаю, я понял, что вы человек честный и благородный. И если не умереть за вас, то умирать вообще ни за кого не стоит. Я не трус, но мне было бы жаль расставаться с этим солнцем, с этим лесом, по которому мы сейчас едем, с этими веселыми, озорными птичками, с этим ласковым ветерком. Бог подарил мне жизнь и этот мир, и я благодарен ему за это, ведь это единственное, что у меня есть. Располагайте мною по своему усмотрению, и я верю, что судьба моя в надежных руках.

Франсуа взглянул в лицо своему спутнику, стараясь прочесть на нем одобрение сказанному, или, не дай бог, неудовольствие. А поскольку его господин сам был очень молодым человеком, то и чувства отражались на его лице, как солнце на воде. Франсуа видел, что его слова пришлись Лису по душе, но поскольку тот молчал, то и Франсуа примолк, боясь прервать размышления своего хозяина. Лис ехал шагом, задумчиво перебирая поводья в руках, и по его виду можно было понять, что он над чем-то серьезно задумался. Франсуа, стараясь ничем не помешать, чуть отстал и, сорвав веточку с придорожного куста, стал обмахиваться ею, отгоняя назойливых мошек.

— Знаешь Франсуа, — наконец, нарушил молчание Лис. — Я все больше убеждаюсь, что ты самый подходящий помощник мне в этом походе. И если все, что ты сказал, правда, а сердце мне подсказывает, что это так, то я действительно благодарю небо за то, что

оно послало мне тебя. И поверь, если наш поход увенчается успехом или даже нет, то ты все равно будешь щедро награжден за свою преданность и сможешь купить дом или отправиться путешествовать. Но тут есть одно печальное обстоятельство. Успешным будет наш поход или нет, меньше чем через месяц мы расстанемся, так как мне придется... э-э-э... уехать, и уехать очень далеко. Но ты не останешься внакладе, и если с умом распорядишься деньгами, которые я тебе оставлю, то сможешь безбедно существовать. Даю тебе слово, что не буду злоупотреблять своим правом на твою жизнь. Мне кажется, ты хороший парень, и не пропадешь в этой жизни.

Лис посмотрел на Франсуа, лицо которого отражало искреннюю преданность, и протянул ему свою флягу:

— На, выпей глоток хорошего вина за успех нашей поездки.

Франсуа поблагодарил и бессовестно отхлебнул чуть ли не половину содержимого.

— Эй, эй, оставь и мне! — Лис выхватил назад флягу из рук слуги. — Я тебе не говорил, что надо все выпить.

— Вы приказали сделать ХОРОШИЙ глоток вина, и я лишь пытался добросовестно выполнить приказание.

— Я сказал просто глоток, но хорошего вина.

— Извините, я, наверное, просто перепутал, я такой невнимательный!

Франсуа вытер рукавом губы и обезоруживающе взглянул на своего господина. Тот погрозил ему пальцем и сам приложился к горлышку.

Франсуа блаженно прикрыл веки и, отпустив поводья, медленно покачивался в седле, испытывая, наверное, то же чувство, которое знакомо пересохшим ручьям, когда свежие дождевые воды возвращают к жизни иссушенные зноем русла.

Лис, утолив жажду, спрятал флягу в седельную сумку и чуть пришпорил лошадь. Франсуа последовал его примеру, и дальше они продолжали путь довольно крупной рысью. Солнце уже палило с нещадной силой, и редкий лесок, не создававший почти никакой тени, не спасал путников от невыносимого зноя. Изредка им навстречу попадались одинокие путники, шедшие в город, телеги, груженные дровами или провиантом, а когда город остался уже далеко позади, их обогнала карета, на дверце которой красовался какой-то герб. Кучер так гнал лошадей, будто за каретой гналась стая голодных волков. Юноши съехали на обочину, пережидая, пока осядет облако пыли, поднятое промчавшимся экипажем. Когда они снова выехали на дорогу и продолжили свой путь, Франсуа задумчиво пробормотал:

— Странно, но мне показалось, что в этой роскошной карете ехал простой монах. Странно, однако...

Но видя, что Лис уехал вперед, выкинул из головы ненужные размышления и пришпорил своего неутомимого испанца.

Глава VII

ОХОТА НАЧАЛАСЬ!

Потайная дверь бесшумно отворилась, и из темноты в комнату шагнул некто, одетый монахом, и чье лицо скрывалось под опущенным капюшоном. Аккуратно затворив за собою дверь, монах подошел к стрельчатому окну и стал наблюдать, как внизу, в узком боковом дворике замка, сокольничий возился со своей птицей, готовясь к охоте. В большом дворе, который пришлось миновать монаху, уже собралась огромная толпа молодых дворян, готовых сопровождать своего повелителя герцога Бургундского на охоту. Стояла обычная для таких случаев суета: метались во все стороны слуги, исполняя последние, зачастую вовсе ненужные приказы своих господ, оседланные лошади нетерпеливо били копытами. В предвкушении упоения скачкой молодые люди в добротных охотничьих костюмах толпились и весело переговаривались, время от времени бросая косые взгляды на парадный вход, из которого должен был появиться их властелин и покровитель, блистательный правитель герцогства Бургундского — Карл Смелый, который, по всей видимости, не страдал пунктуальностью. «Точность — вежливость королей», — гласит старая поговорка, но это лишь слова, ибо во все времена все короли делали, что хотели и когда хотели, и единственным критерием их поведения была их совесть, особа весьма покладистая в те редкие моменты, когда она не дрыхла беспробудным сном.

Молодым дворянам все это, похоже, было известно, поэтому они терпеливо топтались в ожидании начала охоты, которая могла и вообще не состояться, если, к примеру, герцог в последний момент обнаружит у себя на заднице прыщ, что не позволит ему скакать верхом.

Но уйти хоть на минуту никто не решался, и это скопление людей помогло монаху незамеченным пересечь большой двор и скрыться в одном из нижних залов замка, откуда потайной ход привел его в эту комнату. Может, все эти предосторожности были излишними, но то было смутное время, когда внутренние раздоры медленно, но уверенно вели и Францию, и Бургундию к междоусобной войне, а многочисленные шпионы сновали всюду, принимая обличие бродяг, цыган, торговцев, а порой и знатных господ. Напряженность в Европе росла и грозила вспыхнуть войной при малейшем для этого поводе. Тем более что неумеренные аппетиты самого Карла Смелого, который отвоевывал все новые и новые земли для и без того обширного Бургундского государства, обозлили многих правителей герцогств и княжеств, которым пришлось где подвинуться, а где и стать вассалами Карла. Даже Габсбурги вынуждены были отказаться от союза с Бургундией и подписали договор с ненавистной ей Швейцарией.

Монах стоял у окна в комнате, предназначенной для приема тайных гостей, и ожидал прихода Карла. У самых ворот замка посетитель успел шепнуть пару слов доверенному лицу герцога, и сейчас был уверен в том, что никакая охота не начнется до тех пор, пока он сможет удерживать внимание монарха. Это льстило самолюбию посетителя, и посмотрев в окно, он неслышно мурлыкал себе под нос какую-то простенькую мелодию. Сокольничий внизу, видимо, неудовлетворенный состоянием птицы, вновь запер ее в клетку и понес обратно в замок. Суетящиеся люди, оседланные лошади, своры охотничьих собак, удерживаемые опытными руками егерей, и сами охотники — все создавало картину нетерпеливого ожидания, виной которого был тот, кто сейчас наблюдал за ними свысока, из-за стрельчатого окна тайной комнаты.

Неизвестно, долго ли еще смиренный монах упивался бы лучами своей иллюзорной славы, но вот дверь за его спиной распахнулась, и в комнату стремительным шагом вошел Карл Смелый.

Резко обернувшись, монах застыл в почтительном поклоне.

— Здравствуй, Берт, мой верный слуга. Не ожидал тебя так скоро, — поздоровался вошедший и, пройдя к холодному камину, сел в стоящее возле него кресло. — Ну, какие ты мне принес новости? Надеюсь, важные, раз ты меня отрываешь от охоты?!

— Мой господин! — заговорил монах и, откинув капюшон, неторопливо пригладил свои седеющие волосы. — Новости более чем тревожные, и я спешил как мог, чтобы побыстрее сообщить их вашему высочеству! — И монах еще раз поклонился, всем своим видом показывая, как он озабочен тем, что должен сообщить.

— Ну говори же, говори, — нетерпеливо воскликнул Карл и, вскочив с кресла, заходил по комнате.

Монах сопровождал его почтенным взглядом и слегка покашливал, как бы не решаясь заговорить.

— Ну? — Карл остановился напротив него и смотрел в упор, весь дрожа от нетерпения.

— Ваше Высочество наверно прогневается, но смысл последнего сообщения заключается в том, что ваш брат Людовик XI не очень уверен, что войска Швейцарии и Лотарингии, которые он субсидирует и натравливает на вас, смогут одержать безоговорочную, а главное, быструю победу над вашими доблестными войсками. Поэтому он задумал неслыханную низость, которая поможет ему без огромных затрат денег и времени подчинить себе ваши земли и считаться полновластным и единоличным монархом всей Франции.

Поскольку оплотом всех противостоящих его имперским аппетитам сил являются герцогство Бургундское и вы, как главное соперничающее за престол Франции лицо, он решил одним подлым ударом подчинить себе и ваши земли, и земли ваших вассалов. По сведениям, полученным от одного преданного нам человека, который служит при дворе Людовика, ваш брат решил подослать к вам убийцу, чтобы с помощью его подлого удара выиграть войну, которая назревает как гнойный нарыв на теле Франции. Имя этого дворянина пока неизвестно, но мне известно, что он молод, храбр и ловок, и к тому же предан этой хитрой лисе — вашему царствующему братцу Людовику. Мне также известен примерный маршрут и время, когда ваши враги хотят осуществить свой подлый замысел. Я думаю…

— Мразь! — не выдержал Карл, — Подлец! Хитрая лиса! — Он нервно заходил по комнате.

Правая рука его теребила рукоять кинжала, висевшего на красиво расшитом поясе.

— Подлец! — негодовал он. — Ну, братец, ну, лживый пес! Слащавые заверения днем, а ночью — нож в спину?! Мразь! — Стул, попавшийся на пути, был отброшен сильным пинком к стене, скрывавшей потайной ход. — Мразь! Мразь! Мразь! — бесновался герцог, мечась по комнате и заламывая руки.

Наконец он в изнеможении опустился в кресло. Его взгляд, метавший молнии, постепенно остывал, и через некоторое время он взял себя в руки.

— Сведения точные? — с разгневанным видом он повернулся к собеседнику.

— Помилуйте, сир! Посмел бы я оговаривать в ваших глазах вашего брата Людовика, не будь у меня надежных свидетельств.

— Значит, правда, — угрюмо подытожил Карл, закатив глаза в потолок, и застыл в молчании, обдумывая что-то.

Монах терпеливо переминался с ноги на ногу, время от времени бросая косые взгляды на стрельчатое окно, и чему-то загадочно улыбаясь. Он прекрасно понимал, что в руки ему попались ценные сведения, и это давало шанс еще больше приблизиться к окружению герцога, а значит, быть осыпанным всевозможными милостями, на которые Карл не скупился, когда речь шла о преданных людях. И еще одно обстоятельство доставляло ему истинное наслаждение — все эти люди во дворе. Они топтались там, жалкие вассалы, виконты и бароны, дворяне и дворянчики, и ожидали своего герцога, не подозревая о том, что великий Карл Смелый занят разговором с безвестным монахом без титула и родового поместья, но с головой на плечах и (хочется надеяться) с деньгами в кармане. Карл был не жаден, ибо, отнимая у одних и раздавая другим, не надо залезать в свой собственный карман. Верный Берт и так уже немало получил золота за свое природное умение совать свой нос куда не следует, но сегодня он надеялся, что полученное вознаграждение покроет ту сумму, которой ему не хватало для осуществления своей давней мечты. Дело в том, что ему хотелось иметь собственную гостиницу — верное дело во все времена, а тут как раз подвернулся случай, продавалась небольшая, но уютная и ухоженная таверна на самой окраине Дижона. Место там было тихое и красивое, точь-в-точь любовное гнездышко для встреч тех, кто старается не выставлять напоказ свои амурные похождения. Прежний хозяин отдавал свое заведение за полцены, так как срочно должен был уехать в Нант, где его ждало богатое наследство. Берт уже сговорился с ним о цене, но не хватало еще кое-какой суммы, которую Берт занял

у процентщика, но надеялся, что щедрость Карла позволит ему не затягивать с долгом.

Карл все еще пребывал в задумчивости, и монах, видя, что пауза уж больно затянулась, позволил себе негромко кашлянуть. Карл вздрогнул, выходя из оцепенения, встал и, походив по комнате, остановился напротив своего шпиона.

— Вот что ты сделаешь, Берт, — тягуче начал Карл, как бы еще не зная, что сказать. Задумчиво постучав себя указательным пальцем по губам, он, наконец, решился. — Я дам тебе денег и людей. Ты устроишь засады на дорогах, в трактирах, короче говоря, везде, где ОН может проскользнуть. Если не удастся схватить его живым, убейте его. И вообще, если в ком-то будете сомневаться, то лучше избавьтесь от них, в таких случаях лучше перестраховаться. Я подпишу документ, дающий тебе право полностью распоряжаться на дорогах моего герцогства и землях моих вассалов. Деньги и бумагу тебе сейчас принесут сюда. — И взяв монаха за плечи, уже более мягко добавил: — Мой преданный слуга, у тебя есть возможность еще раз послужить мне верой и правдой. Сделай все, что от тебя зависит, чтобы спасти своего господина, и ты увидишь, каким щедрым я могу быть, — Карл похлопал монаха по плечу и, стремительно обернувшись, вышел из комнаты.

Берт шел через большой двор замка, продираясь сквозь толпу, ожидающую начала охоты. Под рясой глухо позвякивал тугой кошелек, а сердце грело собственноручно герцогом написанное предписание, которое обязывало всякого оказывать содействие подателю сего.

Никто не обращал особого внимания на смиренного монаха, выходящего из ворот замка, а если кто бы и присмотрелся повнимательнее, то был бы неприятно удивлен хищнической улыбкой на его лице.